

*Дитрих фон Бюлов
Эрцгерцог Карл Габсбург
Карл фон Клаузевиц
Гельмут фон Мольтке (старший)
Вильгельм фон Шерфф
Альберт фон Богуславский
Ганс Дельбрюк
Альфред фон Шлиффен*

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

КЛАССИКА
ВОЕННОГО
ИСКУССТВА

Карл фон Клаузевиц
Германская военная мысль

«Издательство АСТ»

2012

фон Клаузевиц К.

Германская военная мысль / К. фон Клаузевиц — «Издательство АСТ», 2012

На протяжении XIX и начала XX вв. именно в Германии появились военные теоретики, получившие мировое признание. Их теории были затем воплощены на практике германскими генералами, которые за это время ввергли Европу в несколько кровопролитнейших войн – включая и мировую. Но даже поражение Германии в 1918 г. не поставило точку в этом вопросе. Именно военные теоретики, чьи работы собраны в этой книге, заложили основы той военной традиции, которая в конце концов привела к началу новой – Второй – мировой войны. И даже самые последние военные разработки в основе своей имеют все те же идеи, выдвинутые во многом именно авторами этой книги. В книге собраны работы ведущих военных теоретиков Германии, совершившие переворот в военном искусстве и заложившие основы современного военного искусства. Книга предназначена широкому читателю, интересующемуся историей и теорией военного искусства.

© фон Клаузевиц К., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Предисловие	5
ДИТРИХ ФОН БЮЛОВ	13
Дитрих фон Бюлов	19
Дитрих фон Бюлов	21
Дитрих фон Бюлов	41
Дитрих фон Бюлов	43
ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ ГАБСБУРГ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Карл фон Клаузевиц, Карл Габсбург, Дитрих фон Бюлов, Гульмут фон Мольтке (старший), Ганс Дельбрюк, Вильгельм фон Шерфф, Альфред фон Шлиффен, Альберт фон Богуславский Германская военная мысль

Предисловие

В основу данного сборника вошли, с одной стороны, материалы, опубликованные в книге «Стратегия в трудах военных классиков» (т. 2. М.: Госвоениздат, 1926), вышедшей под редакцией крупного специалиста по военной истории и военной теории Александра Андреевича Свечина (1878–1938), генерал-майора русской армии и комдива армии Красной. Выпускник Николаевской военной академии, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, а в 1917 г. – начальник штаба 5-й армии, он после Октябрьского переворота связал свою судьбу с большевиками, оказав молодой республике крайне важную помощь в деле организации Красной Армии и создания кадров советской службы Генштаба. Финалом его карьеры стал вынесенный 29 июля 1938 г. приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР – признать виновным в участии в контрреволюционной организации и в подготовке террористов и приговорить к высшей мере наказания...

Из указанного выше сборника взяты тексты Бюлова, эрцгерцога Карла, Мольтке, Богуславского, Шерффа и Дельбрюка, поэтому все примечания к этим разделам, а также выдержки из статей, сопровождающиеся указанием «Прим. ред.» или «Редакция», почти наверняка вышли из-под пера Свечина, что гарантирует их крайне высокую научную ценность.

Кроме того, для создания более полной картины развития германской военной мысли в эту книгу были также добавлены довольно крупные отрывки из основополагающих работ, оказавших принципиальное влияние не только на германскую, но и на мировую военную теорию: из Карла фон Клаузевица и Альфреда фон Шлиффена.

Надо также отметить и еще ряд важных отличий этого нового издания. Прежде всего, естественно, был добавлен ряд комментариев, упрощающих для читателя работу с текстом. Кроме того, в начале каждого раздела помещена достаточно подробная биографическая справка о военном писателе, произведения которого помещены ниже. Еще одним важным нововведением является наличие в конце книги аннотированного указателя, вернее, списка лиц, упоминаемых в приведенных здесь трудах классиков, сопровождающихся краткими биографическими справками. Это дает возможность читателю без привлечения какой-либо дополнительной литературы получить необходимую уточняющую информацию. Учитывая, что данные упоминания размещаются неравномерно и вряд ли читатель будет использовать указатель для поиска оценок упомянутых персон, мы не стали давать в нем указание соответствующих страниц.

Ниже приводятся отрывки из статьи А.А. Свечина «Базирование и ударность», которая была приведена в качестве предисловия в книге «Стратегия в трудах военных классиков» (т. 2).

К.А. Залесский

* * *

Любое стратегическое решение по своей сути необычайно просто. Оно представляет ответ на вопросы – кто, куда и когда. В действительности стратегия знает только три измерения – масса, пространство и время. Если мы посмотрим на чертежи, запечатлевшие стратегические маневры какого-либо похода, нас поразит простота этих стратегических вензелей. Пятилетний ребенок мог бы изобразить нечто более замысловатое. И совершенно понятным является стремление первых теоретиков стратегии проникнуть в геометрическую «тайну» этих вензелей, ведущих к победе. [...]

Никакая борьба немыслима без известных точек опоры, и ничего в наблюдаемой борьбе мы не поймем, если не отдадим себе отчета во взаимных соотношениях борющихся с их опорными точками. Стратегический успех – это лишение противной стороны ее точки опоры или ослабление ее связи с нею. Точкой опоры вредителей являются обычно межи, пустыри, невозделанные рукой человека пространства; и всякое непосредственное избиение саранчи, не захватывающее ее рассадников, является только тактическим успехом в борьбе с нею...

Все вензели, которые выписывают борющиеся стороны, останутся непонятными нам, если мы будем рассматривать борьбу лишь как изолированную надстройку, а не охватим своим вниманием целое – борьбу и те опорные точки, которые имеются в распоряжении каждой стороны. Уже Жан-Жак Руссо призывал нас искать в мирной жизни государства причины его поражений на войне. И этот призыв расслышал гениальный Бюлов. Он уже видел, что политика, объявляя войну, оставляет стратегии ряд опорных точек, совокупность коих представляет базу, на которой ведется война. Он правильно объяснял непобедимость армии Французской революции и Наполеона превосходством политической опоры, даваемой завоеваниями революции, над тем, что мог дать политически одряхлевший строй немецких государств, удерживавших еще старый порядок. У Бюлова родилось понятие о базе, которое тысячи раз повторялось затем в других военных трудах; но военная мысль как бы замерла, и следующее слово о войне как надстройке до сих пор еще не было произнесено.

Геометрическое мышление Бюлова, опираясь преимущественно на опыт кабинетных войн XVII и XVIII вв., представлявших спор правительств без участия в нем народных масс, постаралось затем сузить понятие о базе в геометрически-географические пределы: база обратилась в известнейшем его исследовании в линию, соединявшую пограничные крепости-магазины, откуда действующая армия получала все свое снабжение. Дальнейшие писатели нашли возможность это понятие о базе, вследствие появления железных дорог, перенести на всю страну, ведущую войну, изнутри которой теперь непосредственно снабжаются войска. А между тем понятие базы следовало бы трактовать в духе Жан-Жака Руссо и некоторых беглых замечаний Бюлова не только с географической, но и экономической, социальной и политической точек зрения. Кое-какие замечания об этом имеются у Клаузевица и посвятившего всю свою жизнь на пересмотр его учения для нужд современности Блуме.

Пусть читатель подойдет к труду Бюлова с такой широкой точкой зрения и будет помнить, что армия, ведущая войну, базируется прежде всего на позиции господствующих классов воюющего государства, на их мощи и классовом самосознании; что затем она базируется на имеющихся в их распоряжении материальных средствах, т. е. на всем экономическом фундаменте государства, на его территории и населении, поскольку последнее охвачено органами военного учета. Затем армия базируется на всей подготовке государства для специальных военных целей – на инженерной подготовке пограничных районов, организованном для военных целей транспорте, непрерывном потоке пополнений, военной промышленности и т. д. Если мы хотим понять явления военной борьбы и научиться успешно руководить ими, то нам надо обратить сугубое внимание на исследование условий базирования обеих сторон в каждом част-

ном случае. Слабым местом русской армии в мировую войну была слабость русской буржуазии в ее тылу¹. Эта слабая опорная точка не могла ни обеспечить тыл от революции, ни доставить достаточные материальные средства, ни дать армии многочисленный и классово выдержанный командный состав... Австрия позади фронта своих армий также разлезалась по всем национальным швам. В Германии наступательная линия военного командования совершенно оторвалась от тех пригодных лишь для обороны опорных точек, которые создала немецкая политика. Армии Фоша не вышли и не прервали путей сообщения германской армии с родиной, как этого хотела Антанта. Но эта связь, естественно, оборвалась и без вмешательства оперативного маневра: на четвертый год войны иссяк поток пополнений (в среднем 170 тыс. в месяц); а что поступало, то шло на минус, а не на плюс для ведения войны. Летом 1918 г. наступил этот разрыв германской армии со своими опорными точками, и несказанно быстро непобедимыми армиями овладело военное бессилие.

Вопросы базирования всегда играют огромную роль. В известном разрезе борьба вообще представляется борьбой за базирование... Бюлов в своем преклонении перед базой и выдвигаемыми ею массами иногда склонен был игнорировать моральные силы и рассматривал военные действия как простой подсчет соотношений сил обеих сторон. Он заходил так далеко, что иногда считал сами сражения лишь следствием безграмотности генералов, которые не в силах сделать в уме требуемые расчеты и которые нуждаются в очевидности, чтобы сделать необходимые выводы.

Конечно, эту точку зрения защищать нельзя. Нужна выдающаяся гениальность, чтобы сделать заранее тот подсчет сил, который выполняется историей с математической точностью на весах сражения; кроме того, такой совершенно точный гениальный подсчет никого не убедил бы, никогда пророчество не мешало событиям на земле идти своим ходом. Но несомненно, если мы возьмем в любой войне момент оперативного кризиса, мы убедимся тотчас же, какое решительное значение имеют условия базирования обеих сторон для разрешения его в ту или другую сторону.

И чем дальше отстоят от историка события какого-либо боевого кризиса, тем более склонным становится историк объяснять разрешение его не причинами, лежащими в самом событии, а условиями базирования. Исход осенней кампании 1813 г. сначала объясняли ошибками маршалов Наполеона, затем противоречиями между огромными массами, собранными Наполеоном, и методом действия по внутренним линиям; потом историки начали видеть объяснение неудач в молодости войск, в массах новобранцев, для надлежавшей организации которых Наполеон более не располагал кадрами, потерянными им в 1812 г. в снегах России; а работы, вышедшие к столетнему юбилею, переносят центр тяжести объяснения на ухудшившиеся условия базирования Наполеона. Внутри Франции развивались процессы, ослаблявшие опорные точки наполеоновского могущества; французская земля начала давать рекрут «пальчиков», самострелов. Сообщения четырехсоттысячной армии Наполеона тянулись по одной грунтовой дороге на сотни верст от Дрездена на Эльбе к Страсбургу на Рейне. В этих условиях наполеоновская армия была обречена и на голод, и на быстрое таяние от недостатка пополнений, и на недостаток снарядов, сильно сказавшийся под Лейпцигом, и на разлагающее влияние пребывания на немецкой почве. [...]

Если мы будем видеть в войне надстройку над базой и обратим внимание на то, что все условия, характеризующие базу, с течением времени постепенно изменяются, то мы должны будем признать, что эта эволюция должна сказаться и на проявлениях военного искусства. Каждая эпоха в стратегии должна проявлять свое творчество. Стратегия Наполеона должна отличаться от стратегии Мольтке...

¹ Этот пример основывается на заметке Дельбрюка в статье от 27 сентября 1914 г.: Delbrück H. Krieg und Politik 1914–1916. Berlin 1918. S. 57. – *Прим. ред.*

Несколько отрывков из трудов Мольтке, столь скупого на чисто теоретическую разработку, дадут возможность читателю самому разобраться, внес ли Мольтке что-нибудь новое в наши представления о стратегии. Уже чего стоит это мольтковское словцо: «гнусная крайность сосредоточения». Мы не даем детальной критики его небольшой статьи «о стратегии», этого символа веры всех операторов последнего полувека, так как такая критика приводит к развитию целого труда о стратегии. На краткие тезисы Мольтке только лицо с равным стратегическим авторитетом имело бы право ответить такими же краткими тезисами. Здесь мы ограничиваемся лишь констатированием нашей совершенной неудовлетворенности этими стратегическими скрижалями и утверждением, что современная стратегия ушла от идей Мольтке еще дальше, чем последние – от эпохи Наполеона.

Из учения о базе можно сделать и вывод, что в том случае, если обе стороны или по географическому своему положению (Англия и Россия, Россия и Япония), или по отсутствию надлежащей военной подготовки (Север и Юг в войне за нераздельность Соединенных Штатов), или вследствие отсутствия определенного перевеса сил (мировая война) лишены возможности нанести непосредственно друг другу смертельный удар, то война должна перейти в форму борьбы за опорные точки; удары на фронте, как могущественны бы ни были, сохраняют характер лишь эпизодов; решительное значение получает выдержка: финансовая, экономическая, социальная, политическая. Хорошо базированное государство, как Англия, имеющее прочный экономический фундамент и сравнительно слабую армию, всегда должно тяготеть к такой борьбе на измор. Только момент наибольших успехов германских подводных лодок, угрожавших подорвать экономическую стойкость Англии, заставил ее политиков и стратегов задуматься о своевременности перехода к более решительным действиям на фронте. Такая война на измор, конечно, направляет стратегическое мышление на совершенно другие рельсы, чем борьба, ведущаяся при большом перевесе сил одной стороны и при имеющейся для нее возможности нанести смертельный, сокрушительный удар. Стратегия сокрушения вся проникается единой идеей, замысел ее прост, как удар оглоблей, она развивается полностью по кратчайшей логической линии, идущей к конечной цели, и достигает ее с наименьшей затратой своих сил и средств и с наименьшим повреждением опрокидываемого на лопатки противника; а стратегия измора представляет несравненно более сложное фехтование, гораздо менее дисциплинируемое в своих решениях требованиями быстроты, краткости и экономии своих сил и шкуры врага, допускающее гораздо большее число сносных решений, не имеющее такого регулятора, такой всеориентирующей магнитной стрелки, какую имеет стратегия сокрушения в лице решительного пункта на поле сражения.

Еще ни один военный стратег не дал нам теории стратегии измора. Клаузевиц только подходил к ней. Признание стратегии измора делает условными и все выводы теории военного искусства. Поэтому целые поколения офицеров германского генерального штаба стремились удушить в течение последних 47 лет всякие разговоры о ней. Между тем мировая война выдвинула вопросы стратегии измора с небывалой раньше остротой. Знакомство с ними должно, безусловно, входить в объем современной стратегической грамотности. Полемический выпад Богуславского и статьи Дельбрюка о стратегии Фридриха и Наполеона позволяют уяснить себе несколько важнейших основных вопросов, относящихся к двойственному характеру стратегии.

* * *

Другое великое начало, имеющее решающее влияние на судьбы войны, – это начало ударности, сосредоточения превосходных усилий на решительном пункте. В среднем в течение 1623 дней мировой войны германцы теряли по 3 убитых каждые 4 минуты. Однако было бы полным отрицанием военного искусства сводить задачи стратегии к поддержанию в рядах неприятеля такой травматической эпидемии. Дверь, выдерживающая десятки тысяч толчков

ребенка, будет проломлена с гораздо меньшей, в сложности, затратой усилий одним толчком атлета. Солидный крепостной форт в 1914 г. можно было лишь не вполне разрушить с затратой 50–100 тысяч пудов снарядов 6-дюймового калибра, и лучшие результаты давала затрата 10 тысяч пудов снарядов 16-дюймового калибра...

Когда Французская революция выдвинула на поля сражений огромные массы, то явилась возможность не разбрызгивать их усилия на многочисленных фронтах, а сосредоточивать их для нанесения сокрушительных ударов. Наполеон осуществил эту возможность, и стратегия сокрушения называется по имени ее творца – наполеоновской. Мольтке сложившейся исторической обстановкой был поставлен в такие же выгодные условия большого перевеса сил, как и Наполеон, и получил возможность осуществить войны с Австрией и Францией в стиле сокрушения. Отсюда «здоровый смысл» всех профессоров военного искусства, всех генеральных штабов сделал заключение, что единственно правильной является стратегия сокрушения и что только недостатками мышления и характера полководцев объясняются наблюдаемые иногда в истории отличные от наполеоновских стратегические приемы.

Сокрушение иногда приводит к решительным результатам даже и без предварительного изолирования неприятеля от его опорных точек. Даже фронтальный удар, легко преодолевающий сопротивление отдельных разрозненных частей противника, приводит иногда к решительным результатам, если неприятель при ударе получает такое сотрясение, что все его связи с опорными точками рушатся и армия начинает разваливаться. Удар вырастает до полного уничтожения неприятеля, принимает характер Канн. Если Жомини, размыслив, предлагал впоследствии лишь наполовину подражать примеру великого корсиканца, так как едва ли всем по плечу наполеоновская стратегия, то Шлиффен, сам составивший план, исполненный наполеоновского дерзания, хотел вселить в мысли командного состава германской армии необходимость повсюду развивать тягу к крайней ударности, к нанесению таких ударов, которые бы сразу сметали миллионные армии с арены борьбы.

Характернейшим признаком стратегии сокрушения является признание ею раньше решительного сражения, а ныне решительной операции единственным средством стратегии для достижения цели войны. Все что происходит на других театрах, должно терять свое значение по сравнению с результатами одного сокрушительного удара, развитие коего путем беспрепятственного преследования должно привести нас к решительной цели. Йенская операция включает в себя весь разгром Пруссии в 1806 году; пленение различных обломков прусской армии, занятие столицы и всей прусской территории до Вислы являлись лишь эпизодами преследования после Йенского сражения. Так же смотрел в 1920 г. после успешного прорыва польского фронта в Смоленских воротах в июле месяце Западный фронт на условия дальнейшей борьбы с Польшей. Преследование поляков Красной Армией по своему замыслу и размаху может быть вполне сопоставлено с преследованием, организованным Наполеоном после Йены. Но у нас не было того перевеса сил, которым располагал Наполеон, мы действовали в эпоху железных дорог, дающих отступающему возможность быстро усилиться и перегруппироваться, и переоценка нами сокрушительного характера одержанных успехов сказалась в горьком разочаровании на Висле.

С точки зрения сокрушения титула «операции», заменившего титул «генеральное сражение», заслуживает только такая победа, развитие которой ведет к тому, что неприятельская организация начинает уже пороться по всем швам, и война обращается уже в скачку к конечной цели. Такой сокрушительный характер имел успех русских над турками при форсировании Балкан в зиму 1877–1878 гг. В мировую войну такой успех мог бы увенчать план Шлиффена, если бы удалось захватить одним приемом Париж и обезоружить у швейцарской границы остатки французской армии. Людендорф, одержавший так много побед в мировую войну, находит в ней только одну «операцию»: это прорыв осенью 1918 года армиями Антанты болгарского фронта на Балканском полуострове, повлекший за собой выход из войны Болга-

рии, затем Турции и ускоривший разложение Австрии. Самому Людендорфу не удалось ни одна сокрушительная операция. Уничтожение центра самсоновской армии и поражение армии Ренненкампа – очень приличные победы с точки зрения стратегии измора – являются отнюдь не решительной операцией в стиле сокрушения. Это только ослабление на 10 % русского военного могущества. (Что решительный пункт в этот момент не лежал в Восточной Пруссии, это видно из того, что Танненберг не определил исхода галицийской операции: мы продолжали с удвоенной энергией бои на всем фронте соприкосновения с австрийцами и одержали крупный успех над ними в момент полной неудачи нашего вторжения в Восточную Пруссию.) О сокрушительной операции можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Людендорф после поражения Самсонова имел силы и возможность непосредственно броситься через Нарев и выйти в тыл значительной части нашего фронта.

Точно так же не превратился в операцию удар Людендорфа, приведший к окружению в Августовских лесах центра 10-й русской армии в феврале 1915 г. Чтобы дорасти до операции, германские армии должны были выйти одним ударом на фронт Белосток – Гродно; громадные массы русских армий в Польше оказались бы в ужаснейшем положении. Свенцянский прорыв в сентябре 1915 г., на который Людендорф возлагал столько надежд, явился уже совершенной пародией на операцию. Тарнопольский прорыв, которым летом 1917 г. при помощи дивизий, подвезенных с французского застывшего фронта, Людендорф отвечал на «наступление Керенского», также не дорос до операции: несмотря на явную потерю боеспособности у русских войск, австрийцы и тут умудрились замяться и потерпеть ряд неудач, и надежда – от Тарнополя проскочить до берегов Черного моря, чтобы захватить в плен значительную часть Юго-Западного и весь Румынский фронт, – оказалась неосуществимой.

Осенним ударом 1917 г. у Капоретто Людендорф смял огромную часть итальянской армии, добился совершенно баснословных цифр трофеев – в течение 17 дней у итальянцев было захвачено 294 тысячи пленных, 3152 орудия, 1732 миномета, 3000 пулеметов; потери наступающих были сравнительно ничтожны, так как и итальянцы потеряли всего десять тысяч убитых и тридцать тысяч раненых. Сверх того, не менее 200 тысяч итальянских солдат под впечатлением этой катастрофы оставили ряды войск и разбрелись по всей стране. И, несмотря на эти колоссальные цифры, это все же не была генеральная победа, не была «операция» в смысле сокрушения: с помощью десятка англо-французских дивизий остатки итальянских армий были подперты, получили возможность собраться и устроиться; на реке Пиаве германо-австрийцы вновь натолкнулись на организованный Фошем крепкий позиционный фронт, и наступила пауза. Выход на прямую к финишу оказался недостижимым, и через год итальянцы могли гордиться тем, что, перейдя в наступление против переставшей воевать австрийской армии, они захватили в шесть дней 7000 орудий и 450 000 пленных!

Большие наступления Людендорфа весной 1918 г. во Франции представляют огромные успехи, знаменуемые сотнями и тысячами квадратных километров захваченной территории, тысячами захваченных орудий, десятками и сотнями тысяч пленных, но все это образовывало лишь прорехи во французской обороне, поддававшиеся штыку, починке, не выливавшиеся в йенскую беспомощность побежденного. Победы Людендорфа не являлись генеральными, так как англичане получили возможность сказать, что их у немцев было много, а они одержали только одну, но зато последнюю. Трагедия Людендорфа заключалась в том, что он целиком ориентировался на стратегию сокрушения, пути которой, при сложившемся соотношении сил, были для него недоступны. Начало сокрушения прельщает нас своей ясной логикой и воплощаемым ею принципом экономии сил. Спенсер как-то определял грациозность движения как совершение его с наименьшей затратой сил. Прыжок серны грациозен потому, что она совершает его без малейшего лишнего напряжения; все ее мускулы дают строго целесообразную работу; малейшая частица энергии не пропадает бесплодно. Мы должны признать грациозным и жест тореадора, легким ударом шпаги в мозжечок убивающего массивного разь-

яренного быка. Мы должны признать грациозной и стратегию сокрушения, когда она удается. Короткая вспышка заканчивает борьбу прежде, чем неприятель успевает реализовать большую часть сил, средств и энергии, которые он может извлечь из своих опорных пунктов. Противник падает к ногам победителя не как разоренный нищий, а со всеми своими богатствами. Если бы Антанта сумела в два месяца войны победить Германию, как бы жестоки ни были потери в течение энергично веденных операций, они были бы много меньше, чем за годы затяжной войны.

Сокрушение, ударность характеризуются тем, что они признают начало частной победы; они признают существование решительного пункта, успех на котором определит все прочие отношения. Однако одними приемами ударности нельзя вести экономическую борьбу. В мировую войну, несмотря на тяготение к сокрушению всех генеральных штабов, удары на фронте оказались лишь эпизодами. Решение всюду было обусловлено крушением базы. Это обстоятельство, однако, не позволяет нам отнюдь игнорировать начало ударности. В известных условиях, в известном масштабе, оно играет огромную роль. Даже в мировой войне, если мы будем подходить не с точки зрения конечной цели, а с точки зрения промежуточной цели, частной цели одного из эпизодов борьбы, мы увидим огромное значение этого, если так можно назвать его, «решительного пункта ограниченного района войны». Сама стратегия измора вовсе не означает вялого ведения войны, пассивного ожидания развала неприятельского базиса. Она видит прежде всего невозможность достигнуть одним броском конечной цели и расчленяет путь к ней на несколько самостоятельных этапов. Достижение каждого этапа должно означать известный выигрыш наш в мощи над противником. Уничтожение неприятельских вооруженных сил, не являясь единственным средством, представляется и для стратегии измора весьма желательным, и такие предприятия, как Танненберг и Капоретто, прекрасно укладываются в ее рамки.

Даже в том случае, если стратегия измора выдвигает как промежуточную цель захват географического объекта, например каменноугольного бассейна, промышленного района, производящей хлеб области, то и в этом случае в борьбе с противодействием неприятельских войск найдется известное приложение принципу ударности. Если на экономическом фронте войны приложение принципа ударности иногда представляло большое зло, например, при обращении железнодорожных мастерских на фабрикацию снарядов, при лишении сельского населения гвоздей и сельскохозяйственных орудий из-за спортивного соревнования с неприятелем в количестве выпускаемого в сражении металла, то ударность и здесь при правильном руководстве при наличии широкого экономического плана может оказать огромные услуги.

Мы поэтому полагаем, что ударность, лежащая в основе сокрушения, отнюдь не отжила свой век; начало ударности вместе с началом базирования представляет двух китов, на которых покоится существенная часть теории стратегии. Конечно, идеи ударности можно проследить у многих писателей старых времен. Ведь Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь издавна являлись весьма поучительными объектами для размышления. В новейшей истории актуальное значение в теории они получили лишь после того, как Наполеон дал им новые формы бытия. Эрцгерцог Карл был одним из первых, уловивших эту сторону наполеоновского искусства. Мы в этом отношении решительно расходимся с Дельбрюком, считающим эрцгерцога Карла «пустой головой и слабым характером». Может быть, наша точка зрения объясняется нашей осведомленностью об эрцгерцоге Карле, базирующейся исключительно на австрийских исторических трудах².

² Единственный момент, вызывающий у нас сомнения, это поведение эрцгерцога в ночь перед решительным днем Ваграмского сражения, когда он, накануне раненный, пассивно относится к проведению его энергичным начальником штаба, генералом Вимпфеном, его, Вимпфена, концепции сражения, а также бессилие эрцгерцога Карла справиться с непослушанием своих братьев – командиров входящих в его армию корпусов. – *Прим. ред.*

Во всяком случае, он предупредил Жомини в изложении основного начала стратегии сокрушения – в указании решительного пункта, на котором в решительный момент надо быть сильнее неприятеля. Поэтому мы предлагаем рассматривать приводимые отрывки из трудов эрцгерцога Карла, имеющие и другие достоинства, как первый черновой вариант к производству великого популяризатора начала сокрушения и наполеоновской стратегии – Жомини. Последний с необычайным тактом отбросил все сумбурное, всю излишнюю геометрию, всю утрировку военной географии, которые мы встречаем у Бюлова и эрцгерцога Карла, и создал в основных чертах то стратегическое учение, которого держалось огромное большинство вплоть до мировой войны. Перед Клаузевицем расписывались в уважении, его цитировали, а когда предстояло переходить к конкретному вопросу, простой и прозрачно-ясный Жомини одерживал в большинстве случаев верх в сознании оператора над глубоким, но туманным германским философом войны. [...]

Если мы желаем окончательно отказаться от геометрического характера, которым проникнуты теории этих доктринеров, нам предстоит развить вместо понятия операционной линии понятие линии поведения, термина, нашедшего уже давно распространение в политике и понимающего не геометрическую, а лишь логическую связь между отдельными частными целями на пути к конечной программной цели...

Простота стратегического решения, о которой мы говорили в начале настоящей статьи, находится в резком несоответствии с глубиной его мотивов. Решение, кому, когда и куда идти, является известной равнодействующей требований, возникающих в разрезе базирования и в разрезе ударности. Трудность увеличивается и оттого, что не существует постоянного отношения между значением требований этих двух категорий. Как мотив нашего действия надо выдвигать, в зависимости от условий, то требование базирования, то ударности... Эти важнейшие вопросы лежат в центре внимания настоящего тома. Он затрагивает еще одну существенную тему. У очень интересного и глубокого писателя Шерффа взят отрывок, в котором последний делает попытку указать путь практического подхода к решению оперативных задач. 30 лет назад, когда писал Шерфф, в центре внимания было еще генеральное сражение, не разбившееся на ряд отдельных действий, группирующихся в операцию. Поэтому ответы Шерффа не следует понимать буквально; читатель должен постараться дать себе отчет в том, в чем могли бы измениться характер и последовательность того ряда вопросов, на который распался еще так недавно путь оперативного мышления. И пусть читатель не сетует, что в том стратегическом задачнике, которым является настоящее собрание классиков, он не найдет в конце приложенных ответов на настоящий день. Если бы и возможен был такой набор стратегических ответов, то это была бы задача оригинального труда по стратегии, а не настоящего издания, в котором мы и так, кажется, несколько вышли за пределы деятельности критика, представляющего вниманию читателей труды известнейших мыслителей. [...]

Все переводы для настоящего издания выполнены вновь и сверены редакцией с оригиналами.

Редакция

ДИТРИХ ФОН БЮЛОВ

Человек, который впервые дал современное обоснование самого термина «стратегия», – барон Адам Генрих Дитрих фон Бюлов (Vülow)³ – родился в 1757 г. в небольшом поместье Фалькенберг, расположенном в Альтмарке – в небольшом германском герцогстве Ангальт. Фалькенберг был настоящим родовым гнездом одной из ветвей не очень богатого, но славного и чрезвычайно разросшегося рода фон Бюловых, которые получили его еще в 1683 г. Сам род Бюловых вел свою историю от рыцаря Готфрида фон Бюлова (в латинизированном варианте *Godofridus de Bulowe*), который в 1229 г. владел поместьем недалеко от Рены в Мекленбурге.

Традиционно Бюловы из поколения в поколение служили в армии – прежде всего в прусской. Не стало исключением и поколение Дитриха, хотя на поле брани он особых успехов не добился, чего не скажешь о его старшем брате – генерале пехоты Фридрихе Вильгельме, который стал одним из известнейших полководцев войны с Наполеоном и 7 августа 1814 г. за свои подвиги в 1813 г. получил от короля Пруссии титул графа фон Денневица.

Дитрих фон Бюлов прошел курс обучения в Берлинской военной школе и в 15 лет – в 1773 г. – начал службу в прусской пехоте. Вскоре он перешел в пользующуюся большим престижем кавалерию. В 1786 г. он некоторое время служил в голландской армии, приняв активнейшее участие в неудачной попытке восстания против правивших Нидерландами Габсбургов. Однако с военной практикой у него особо не сложилось, и вскоре он оставил действительную службу. Некоторое время он пытался заниматься предпринимательством в области театра, с чем были связаны его постоянные переезды с места на место: он дважды побывал за океаном – в Соединенных Штатах (в 1792 и 1795 гг.), ездил также в Англию и Францию. С бизнесом у Дитриха фон Бюлова также не получилось, и в конце концов в 1804 г. он осел в Берлине. К этому времени он уже получал средства к существованию от публикации военно-теоретических работ, в основном посвященных описанию кампаний прусской армии.

Его самая известная работа, посвященная самой сути военной стратегии, это «Дух новейшей военной системы»⁴, вышедшая в 1799 г. Главной заслугой Бюлова стало то, что в этом и ряде других своих работ он не только обосновал термин «стратегия», но показал и четко разграничил ее от тактики, а также ввел в научный оборот учение об операционном базисе.

Республика Северной Америки в своем самом последнем состоянии (*Der Freistaat von Nordamerika in seinem neuesten Zustand*. Johann Friedrich Unger, Berlin 1797);

История вражеских десантов в Англии, в особенности римлян, немцев, датчан, норманнов, испанцев, голландцев и французов (*Geschichte der feindlichen Landungen in England namentlich der Römer; Deutschen, Dänen, Normänner; Spanier; Holländer und Franzosen*. 1798);

Путешествия Мунго Парка (перевод с английского) [*Mungo Parks Reisen (Übersetzung aus dem Englischen)*. Haude und Spener, Berlin 1799];

«О деньгах» (*Über das Geld*. 1800);

«История кампании 1800» (*Die Geschichte des Feldzugs von 1800*. G. Fleischer, 1801);

«Принц Генрих Прусский. Критическая история его походов» (*Prinz Heinrich von Preußen. Kritische Geschichte seiner Feldzüge*. Himbürg, Berlin, 1805);

³ В жизни он пользовался именем Дитрих, в русскоязычной литературе часто его именуют Генрихом Дитрихом, что неправильно.

⁴ Это традиционное название работы на русском языке, однако в подлиннике она именуется несколько более тяжеловесно: «Дух новейшей военной системы, выведенный из основополагающего базиса операций, а также для дилетантов в военном искусстве» (*Vom Geist des neuern Kriegssystems hergeleitet aus dem Grundsätze einer Basis der Operationen auch für Laien in der Kriegskunst*).

«Новая тактика обновления как она должна выглядеть» (*Neue Taktik der Neuern wie sie seyn sollte*. Himbург, Berlin 1805);

«Военные биографии знаменитых героев Новейшего времени. Предназначено для молодых офицеров и дворянской молодежи, определенной на военную службу», тома 1–4 (*Militärische Biographien berühmter Helden neuerer Zeit. Vorzüglich für junge Officiere und für die Söhne des Adels, die zum Militär-Dienste bestimmt sind*. Himbург, Berlin 1805);

«Кампания 1805», части 1–2 (*Der Feldzug von 1805*. G. Fleischer, 1806);

«Взгляд на будущие события», написана в 1801 г. (*Blicke auf zukünftige Begebenheiten*. G. Fleischer, Leipzig 1806);

«Густав Адольф в Германии: критическая история его походов», часть 1 (*1808: Gustav Adolph in Deutschland: kritische Geschichte seiner Feldzüge*. 1808).

В своих работах Бюлов не стеснялся жестко критиковать действующих военачальников, что неизбежно приводило к тому, что он оказался не в чести у сильных мира сего. Его очерк о военной кампании 1800 г. вызвал сильное раздражение в верхах, но пока еще больших последствий для барона это не имело. Гром грянул, когда в 1806 г. была опубликована работа Бюлова, описывающая события франко-русско-австрийской войны 1805 г., завершившейся сокрушительным поражением русской и австрийской армий и, возможно, самым громким триумфом Наполеона Бонапарта. В ней он позволил себе целый ряд достаточно критических оценок действий главнокомандующего русской армией Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова – впоследствии лояльные отечественные историки назовут эту работу «полной неприличных выходок против Кутузова», хотя на самом деле это всего лишь одна из оценок действий будущего фельдмаршала. Но момент был выбран крайне неудачно: дело в том, что в это время в Пруссии вверх взяла «партия войны», возглавляемая королевой Луизой и министром иностранных дел бароном Карлом Августом фон Гарденбергом. Теперь Пруссия готовилась воевать с Наполеоном, и берлинский двор был чрезвычайно сильно озабочен поиском союзников. А в 1806 г. выбирать было особенно не из кого: против Франции были готовы выступить лишь ее вечный противник Англия и не смирившаяся с поражением при Аустерлице Российская империя. На фоне подобного союза для Гогенцоллернов жизнь и свобода какого-то барона не стоили ничего. Поэтому когда представлявший императора Всероссийского при Берлинском дворе Максим Максимович Алопеус официально потребовал уничтожения работы Бюлова, а также ареста автора, нерешительный король Пруссии Фридрих Вильгельм III не счел нужным встать на защиту своего подданного. Тем более что за Бюловым прочно закрепилась репутация сторонника революционных идей, а его слишком резкие суждения привели к тому, что врагов у него было неизмеримо больше, чем друзей.

6 августа 1806 г. барон Дитрих фон Бюлов был взят под стражу, приговорен к четырем годам заключения в крепости и отправлен в берлинскую тюрьму. Но и арест не охладил пыла Бюлова, который, будучи уже в тюрьме, устраивал для заключенных и надзирателей лекции на тему «Как и почему прусская армия, выдвинувшаяся между реками Заале и Эльба, будет непременно разбита»⁵. Когда находившийся в берлинской тюрьме Бюлов услышал о сокрушительном поражении прусской армии в сражениях под Йеной и Ауерштэдом, он, предсказавший подобное развитие событий, с горечью воскликнул: «Так всегда бывает, когда полководцев арестовывают, а дураков ставят во главе армии»⁶. В эти дни русский посол озабочился скорейшей отправкой фон Бюлова в Россию – было ясно, что после вступления в Берлин французской армии военный теоретик будет немедленно освобожден.

⁵ Стратегия в трудах военных классиков. Т. 2. М., 1926. С. 21.

⁶ Там же.

Сначала Бюлов был перевезен из Берлина в крепость Кольберг, вскоре после чего передан в руки русских властей. Его повезли по этапу в легком летнем платье, а была уже суровая зима. В конце концов к лету 1807 г. Бюлова довели до Риги, где 16 июля 1807 г. его жизнь и оборвалась. Судя по всему, он простудился, заболел и, не получив должного лечения, скончался. Правда, семейные предания рода Бюловых говорят о том, что барона убили конвоировавшие его казаки, но это лишь неподтвержденная семейная легенда...

Ниже приводится отрывок из статьи «Монизм Бюлова», опубликованной во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

К.А. Залесский

* * *

Бюлов был слишком политически зрел для тогдашнего государственного устройства Германии. Он повторял за Руссо, что причины поражения в поле надо искать у себя дома. Он хвалил Наполеона, видел его силу в его союзе с завоеваниями революции и пророчествовал, что до тех пор, пока Наполеон окончательно не порвет с республиканцами, он будет непобедим⁷. Он написал такую историю Гогенцоллернов, которую фамилия графов и баронов Бюловых до сих пор хранит под спудом. Он обвинял Фридриха Великого в том, что последний – не герой, стянул себе Силезию, но отступил перед задачей объединения германских земель. Александр Македонский поступил бы иначе. Бюлов понимал, что лишь вся соединившаяся Германия могла бы сломить гегемонию Наполеона, и видел к этому главное препятствие в массе мелких тиранов, дробящих немецкую землю своими эгоистическими, противоречивыми интересами. Мечта о единой Германии, создать которую смог впоследствии Бисмарк, прорывается у Бюлова повсюду; сотни немецких столиц он хотел бы заменить одной. Он негодовал на немцев за отсутствие у них республиканского духа и добродетелей и презирал пруссаков за то, что они наполовину русские, т. е. наполовину созданный для самодержавия материал. О русских Бюлов пишет всегда с большой горечью. Он признает за русским солдатом достоинства автомата, катапульты для стрельбы, созданной из костей и мяса; русский храбр или трус, честен или обманщик, умен или глуп, смотря по тому, как ему прикажут. На русскую помощь Бюлов не надеялся: если в Тридцатилетнюю войну шведы и австрийцы били Германию с севера и юга, то в его эпоху он видел повторение этой истории с той разницей, что французы будут опустошать области западнее Эльбы, а русские – восточнее. Он боролся против стремления Пруссии поделить с Австрией Германию на северную и южную. В 1813 г. Бюлов был бы героем национального движения, в 1805 г. он выглядел революционером и пораженцем.

Бюлов действительно не сумел освободиться от антимилиитаристических и пасифистических идей, так глубоко проникавших в философию XVIII в. Он писал: «Я называю войну наукой не об убийстве, как это делали, а о разбое, так как ее объект заключается в завоевании, в грабеже земель, а убийство является только средством, ведущим к этой цели. В убийстве еще умудряются находить нечто благородное; этого не будет, когда будет ясна цель – грабеж. Война – это тоже воровство, которое в малом масштабе наказуется, а в большом – награждается лавровыми венками, фимиамом поэтов, статуями и храмами». Правда, иногда Бюлов относился к войне мягче: «Военное искусство дорого мне, как эгида безопасности и свободы⁸, и моим

⁷ Впрочем, полиция Наполеона также преследовала и выслала из Франции Бюлова за его республиканскую агитацию. – *Прим. ред.*

⁸ Еще Ксенофонт определял военное искусство как искусство обеспечивать свою свободу. Только оборона являлась оправданием войны в философии XVIII в. Удивительна судьба идей: философия насилия, права, основывающегося на железе и крови, так характерная для XIX и XX вв., сохранила в лице французской доктрины эту мысль – военное искусство есть искусство обеспечения свободы, но, подменив понятие свободы политической понятием свободы оперативной, Мальяр положил

долгом является заниматься им, поскольку я убежден, что у меня есть идеи, как сделать бесплодным наступление посредством повышения искусства обороны». Как мы видели раньше, упрекая Фридриха Великого за то, что он не закончил собирания немецких земель и не воевал дальше, Бюлов сам уже готов был признать положительную роль насилия. Но в общем венцом его трактата по военному искусству является призрак всеобщего мира, который установится тогда, когда все государства достигнут своих естественных границ, когда все политическое устройство Европы придет в соответствие с его учением о базисе.

Приводимые отрывки из истории кампании 1805 г. свидетельствуют, что Бюлов первый понял тесное соотношение, существующее между политикой и стратегией: «политическая стратегия относится также к военной стратегии, как последняя – к тактике»; в сущности, это полное выражение наиболее знаменитого положения Клаузевица, что война есть продолжение политики.

Клаузевиц создавал все свое учение в борьбе с мыслями Бюлова; ему принадлежит несколько и чисто полемических статей, направленных против Бюлова. Знакомство с Бюловым поэтому обязательно для правильного понимания учения Клаузевица. Беспристрастный читатель, изучив Бюлова, найдет, что Клаузевиц, бросив в Бюлова град камней, в конце концов все же взял у последнего целый ряд ценных идей. Бюлов был тем тезисом, в борьбе с коим мысль Клаузевица выдвинула сначала антитезис, а затем возвысилась до синтеза.

Бюлов был недостаточно реалистом; правда, он подметил, что отсутствие роскоши у офицеров революционных армий дает им огромный плюс по сравнению с офицерами старого режима; но он переоценивал значение магазинной системы, не заметил, что войска французской революции научились жить за счет местных средств, не заметил, что с Наполеоном родилась новая стратегия сокрушения, в которой бой уже не является только одним из средств и которая выдвигает единственной целью уничтожение неприятельской армии. Все это Бюлов просмотрел, несмотря на то, что он один из первых подметил и точно описал новый характер революционной тактики; виной этого просмотра была та теория, через призму которой Бюлов рассматривал все явления. Ошибки Бюлова не повторил Жомини, который пришел почти по всем пунктам к противоположным Бюлову выводам: Жомини настаивает на концентрации войск, на действиях по внутренним линиям, а Бюлов – на развертывании армии, на стратегическом охвате неприятеля, на действиях по внешним линиям. Наполеон одерживал успехи по Жомини, но когда массы его увеличились, когда снабжение начало играть большую роль – в 1813 году он проиграл осеннюю кампанию, опираясь на методы Жомини, а союзники разбили его под Лейпцигом, действуя по Бюлову. Для современных армий, еще более зависимых от своих сообщений, еще более беспомощных при столкновении на одном месте, старые доктрины Бюлова во многом получают новую жизнь и мощь.

Бюлову мы обязаны самим термином «стратегия»⁹, а также и разделением стратегии от тактики; кто прочтет его определения, тот поймет, что и первому автору, проведшему грань между этими столь родственными дисциплинами, вероятно, очень досаждали недоуменные вопросы о том, чем же, собственно, стратегия отличается от тактики. Бюлову мы обязаны всем учением и самим термином об операционном базисе, а также понятием о стратегическом развертывании. Если рассуждения об объективном угле представляются некоторым увлечением¹⁰,

эту мысль в основу оперативного искусства, базой которого стало во Франции учение об авангарде, о сторожевом охранении – вообще служба безопасности. Андогский перенес эту мальяровскую идеологию на свое учение о встречном бое как о борьбе за сохранение оперативной свободы, понимаемой как инициатива. – *Прим. ред.*

⁹ Первый раз слово «стратегия», употребленное в приблизительно современном смысле, встречается в труде савойского писателя – *Marquis da Silva. Pensees sut la tactique et sur la strategia*, – изданном в 1762 г. Однако да Сильва исходил преимущественно из древнегреческих военных писателей, а не из анализа современной действительности. – *Прим. ред.*

¹⁰ Сколько негодования критика XIX в. проявила по поводу этой попытки Бюлова геометрически определить предел успешного наступления. Но в основе сама идея о пределе очень ценна, и Клаузевиц ту же мысль Бюлова, освободив от ее геометрической формы, облек в учение о кульминационном пункте наступления. – *Прим. ред.*

то сама мысль об огромном значении базиса заслуживает полного внимания, и лучше всего ознакомиться с ней мы можем у ее истока – у Бюлова.

Уже у Ллойда мы отмечали свойственное XVIII в. преклонение перед математикой; математика нужна Ллойдю даже для верховой езды и для объяснения успеха удара гусар на маленьких, быстрых лошадях на тяжелых кирасир. У Бюлова и эрцгерцога Карла это увлечение принимает почти катастрофические формы. Стратегия излагается в виде геометрических теорем и поясняется чисто геометрическими чертежами. Такое увлечение кажется нам особенно странным у такого искушенного в истории, политике и политической экономии писателя, как Бюлов. Нам представляется, что эта геометрическая форма у Бюлова является результатом его положения штатского наблюдателя, изолированного от непосредственного соприкосновения с армией и войной. Мы, естественно, начинаем мыслить геометрически, отвлеченно, когда теряем соприкосновение с живой действительностью. А Бюлов был от нее оттерт, и только гениальности его мысли мы обязаны многими меткими тактическими замечаниями. Нам лично приходилось наблюдать геометрические увлечения в военном искусстве. Если у Бюлова здесь сказывался прежде всего дух мышления XVIII в., то теперь это может служить мерилем кабинетности автора. Истративший столько сил, чтобы громить давно умершего Бюлова, Г.А. Леер, как исключительно кабинетный ученый, был болен той же склонностью к геометрии, и, по рассказу его учеников, спорный вопрос на тактической задаче решал всегда тем, что перевертывал план чистой стороной наверх и вопрос переносил в рамки геометрии...

Геометрия в стратегии, конечно, не может возбуждать в нас особого энтузиазма, особенно если мы отворачиваемся от конкретного случая, со всеми его частностями, чтобы углубиться в умозрение. Однако мы не можем не признать, что никогда серьезно не воевавший бедняк писатель Бюлов сумел в своем чертеже прочесть многое, что пропустили люди, колесившие по полям сражений всей Европы. Правда, истина и ложные представления у Бюлова сплетаются очень тесно. Мы убеждены, что если бы Бюлов не работал так много по военной истории, то геометрическое исследование привело бы его к еще большему преобладанию недоразумений. Мы опустили третью часть «Духа новой военной системы», в которой Бюлов иллюстрирует свои положения уже не геометрически, а на примерах из истории Семилетней и революционных войн. Наш вывод – геометрический метод может быть допущен лишь в очень ограниченных размерах и обязательно необходимо противоядие в образе военной истории.

Сочинения Бюлова уничтожались и полицией, и его знатными родственниками, которых они компрометировали. В Россию путь для них был вовсе закрыт. Теперь они представляют высочайшую библиографическую редкость. Сколько-нибудь полного собрания их нет, кажется, ни в одном книгохранилище Европы.

Мы пользовались в подлиннике лишь его «Духом новой военной системы» (на немецком языке, изд. 1799 г.) и сравнительно второстепенным трудом – «Историей войны 1800 г.», в остальном же руководствовались собранием избранных сочинений Бюлова в одном томе¹¹, изданных его племянником, под редакцией Рюстова, в 1853 г. Революционера военной мысли Бюлова приходится изучать сквозь призму извращений политической и фамильной цензуры, а также через купюры, исправления и толкования Рюстова.

Что Бюлов был материалистом, это видно по многим приводимым ниже мыслям. У него было уже известное, очень скромное представление об эволюции как о противоречии между военным искусством греков и римлян и военным искусством нового времени, противоречии, базирующемся на различной технике холодного и огнестрельного оружия; двигателем эволюции является рост огнестрельного оружия в армиях и потребляемого им количества боевых припасов.

¹¹ Heinrich Dietrich von Bulow. Militärische und vermischte Schriften. Leipzig. 1853. – *Прим. ред.*

Если мы позволяем себе прилагать к Бюлову эпитет «гениальный», несмотря на многочисленные недоразумения в его поспешных трудах, и ставим его выше многих других классиков, то такая наша оценка основывается на том, что Бюлов подошел к стратегии с совершенно новым мировоззрением, заимствованным у Жан-Жака Руссо. В мире и войне Бюлов увидел единое целое и в этом целом стал рассматривать войну как надстройку над тем фундаментом, базой, которую представляет мир. Понятие «базис», которое ввел Бюлов, все последующие военные писатели начали толковать в узком, геометрическом смысле. Но целый ряд выражений в сочинениях Бюлова позволяет нам думать, что за таким толкованием базиса, предназначенным к широкому обращению, Бюлов скрывал и более глубокое его понимание; в процессе войны государству как базе военной деятельности Бюлов отводил, по-видимому, такое же всеобъемлющее значение, какое придает монистическое толкование исторического процесса экономическому фундаменту. Сквозь сумбурную форму изложения учения Бюлова у него просвечивает местами чисто монистический подход к явлениям войны. Война для Бюлова – прежде всего производная, настройка, явление не самодовлеющее. И нам кажется, что местами Бюлов ставит вопрос даже шире, чем Клаузевиц, несомненно заимствовавший у него свою диалектику.

Бюлов рисуется нам заслуживающим солидного научного исследования. Мы не располагали всеми важнейшими подлинными его трудами и эту задачу не считаем здесь исчерпанной.

Редакция

Дитрих фон Бюлов ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИИ

Первое определение. Всякое движение армии, непосредственной целью которого является противник, называется военной операцией.

Второе определение. Так как субъект и объект операции разделяются пространством, по которому должны продвигаться армии, то отсюда рождается понятие об операционной линии.

Третье определение. Стратегическими являются все военные передвижения вне пределов пушечного выстрела и кругозора противника. Тактическими – все эти передвижения в пределах указанных границ. Следовательно, стратегия является наукой о военных передвижениях вне кругозора или досягаемости пушечного выстрела, а тактика – наукой о военных передвижениях в пределах этих границ.

Первый принцип. Новые армии могут существовать, только снабжаясь из своих магазинов, и их передвижения определяются их магазинами.

Второй принцип. Главный магазин, из которого действующая армия удовлетворяет свои насущные потребности, является фундаментом или субъектом операции.

Третий принцип. Операции по единственной операционной линии, базирующиеся на единственном операционном субъекте при нашем вторжении в неприятельскую страну, оказываются недостаточно обеспеченными и не могут привести к успеху, если только противник не пренебрежет всеми возможностями контрманевра.

Четвертый принцип. Ввиду этого в оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед фронтом неприятеля и пассивно отражать его наступательные предприятия, а выбирать фланговую позицию и затем самим переходить к наступательным действиям; против флангов и тыла противника должны направляться предприятия, целью которых является подвоз к неприятельской армии, фронт же его должен быть оставлен в неприкосновенности; непосредственно перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который препятствовал бы ему сосредоточить свое внимание на своих флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как часть наших войск будет оперировать против неприятельского снабжения, по возможности на его территории; само собой понятно, что все означенные операции будут иметь место в неприятельском тылу.

Пятый принцип. Нормально операции, заключенные в треугольнике, угол при вершине которого 60° и менее, не должны иметь успеха и не могут привести к цели, если противник использует свои преимущества, так как они недостаточно базированы.

Шестой принцип. Расходящиеся операционные линии, направленные от центра к окружности или от малой к большой окружности, также создают невыгодное операционное положение, если только противник применит правила новейшей военной системы.

Седьмой принцип. Параллельные операционные линии, направляющиеся от нескольких операционных субъектов против равного числа объектов, в столь же слабой степени отвечают правильной теории войны.

Восьмой принцип. Операционные линии, заключенные в тупоугольный треугольник с углом при вершине в 90 и более градусов, базированы столь удачно, сколь этого только можно желать.

Девятый принцип. Таким образом, из нашего исследования вытекает, что базис, чтобы быть выгодным, должен охватывать вогнутой дугой неприятельский базис; если же наш и неприятельский базисы параллельны, то наш базис должен быть длиннее; напротив, непараллельный базис, или выпуклый базис, или базис, который короче такового противника, являются невыгодными и дают преимущество противнику.

Десятый принцип. Отступление от базиса, происходящее по одной операционной линии, не отвечает ни теории, ни духу новейшей военной системы.

Одиннадцатый принцип. Единственно правильными отступлениями являются отступления по параллельным и эксцентричным операционным линиям.

Дитрих фон Бюлов

ДУХ НОВЕЙШЕЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ

Глава 1

Что такое в сущности базис операционных линий. – Разница между базисом операционных линий и самими операционными линиями. – Древние в таковых не нуждались

1. Совершенно неоспоримо, что современные армии имеют огромную потребность в снабжении. Скольких лошадей требует одна перевозка боевых припасов, т. е. пороха и железных и свинцовых ядер и пуль? Каждый батальон имеет собственную патронную двуколку; самое легкое полевое орудие везется четырьмя лошадьми, тяжелые пушки двенадцатифунтовые и т. п. требуют по двенадцать и даже по двадцать четыре лошади. На каждую пушку, в свою очередь, везется один или несколько зарядных ящиков. Затем следуют еще предметы роскоши современных армий, к которым я отношу и хлеб. Если бы армии питались сухарями, то прежде всего каждый солдат мог бы иметь при себе провиант на значительно более долгое время; далее, отпадала бы необходимость в хлебопекарне, которая всегда следует за армией, а также вопрос о перевозке муки от магазина к хлебопекарне.

Затем остановим свое внимание на огромном обозе современной армии и на количестве лошадей, необходимых для его перевозки. Ведь каждый офицер, находящийся даже в самых младших чинах, везет с собой отдельную большую палатку, постель и т. д. Каждый пехотный офицер имеет столько же лошадей, обыкновенно от трех до пяти, как и кавалерийский. Все это обращает армию в современном стиле в до смешного беспомощную массу, которой тем не менее хотят разрешать крупные задачи.

2. Таким образом, необходимо располагать лошадьми и в очень большом количестве; эти лошади нуждаются для своего прокорма в сене, соломе и овсе; последние представляют громоздкие предметы, занимающие обширные пространства и портящиеся от сырости. Следовательно, их надо громоздить в большие постройки, способные предохранить их от сырости. Мука, равным образом, должна быть защищена от сырой погоды, боевые припасы также; от дождя надо укрыть все снабжение армий. Я думаю, излишне напоминать, что вьючные и упряжные лошади нуждаются в людях при обозе для ухода и управления ими; таким образом, число рационов растет вместе с числом дач, и наличность обоза удваивает потребности армии в фураже и продовольствии.

3. Подобное сосредоточение предметов снабжения армии называется магазином. В узком смысле магазином называется склад сена, соломы и овса; в более широком сюда же причисляются и мучные запасы, тем более что фуражный магазин редко бывает без дополнительного запаса муки, так как потребность в снабжении фуражом и мукой неизбежна. Хлеб в магазинах никогда не хранится, так как он очень скоро портится; между магазином и армией располагается хлебопекарня, хотя бы армия стояла непосредственно около магазина. Наконец, полный магазин содержит также запасы боевых припасов, обмундирования, оружия, орудий и т. д., хотя эти предметы изготавливаются и их главные склады помещаются гораздо дальше внутри страны, чем магазин действующей армии, который обычно бывает расположен около самой границы; тем не менее в ближайшем главном магазине армии должен быть сосредоточен промежуточный запас этих предметов для немедленного пополнения постоянной убыли таковых в армии. Ввиду этого я думаю, что не ошибусь, если скажу, что магазин в полном смысле явля-

ется складом или сосредоточением предметов снабжения армии, как бы разнообразны они ни были.

4. Конечно, если бы князь Шварцбург-Зондерсхаузенский вовлек в войну князя Шварцбург-Рудольфштадтского¹², то армии обеих этих государей могли бы обойтись и без магазинов. Однако в наше время войны ведут исключительно большие державы, а малые – только втягиваются в общий водоворот. К тому же вооруженные силы больших держав настолько возросли, что исчисляются в две-три сотни тысяч человек и более, которые, правда, не объединяются в одну армию, но тем не менее участвуют в одной войне и часто действуют на одной границе. Эти армии к тому же оборудованы так, как это было уже мной сказано, и совершенно ясно, что фуражировки на неприятельской территории не могут обеспечить снабжения армии хотя бы на короткий срок, необходимо прибегать к большим магазинам, располагающим снабжением всякого рода. Впрочем, как я в дальнейшем укажу, рост армий является неизбежным следствием новейшей системы войны и исключительного господства огнестрельного оружия.

5. Конечно, возможно было бы сократить потребности армий путем ограничения роскоши, например, заменить хлеб сухарями, заставить поручиков и прапорщиков выступать в поход без пуховых перин, какую кислую физиономию они по этому поводу ни делали бы, далее разрешить всем офицерам одной роты иметь лишь одного общего денщика и в крайности по одной лошади на каждого, благословить их наряду с солдатами отмеривать пешком переходы, что для них не может быть унижительным, так как римские полководцы всегда шагали перед своими легионами, наконец, значительно [30] ограничить обозы генералов и штаб-офицеров и предложить им удовлетворять свои потребности путем реквизиций в неприятельских странах, что так образцово умеют проводить в жизнь французы. Все это, думаю я, было бы выполнимо; армии стали бы гораздо подвижнее, их содержание обходилось бы гораздо дешевле. Но все-таки нельзя было бы обходиться без больших магазинов, вечно продолжала бы существовать зависимость от них, и притом в достаточной степени, чтобы сохранить в силе все то, что я утверждаю в этом трактате о новейшей военной системе.

6. Чтобы иметь возможность произвести здесь радикальное или хотя бы существенное изменение, прежде всего пришлось бы значительно сократить размеры армий, сильно уменьшить конницу, почти полностью отказаться от артиллерии и в пехоте ружье вновь заменить пикой, одним словом, вместо огнестрельной системы восстановить систему холодного оружия – рубки и колки. Понятно, что это привело бы к воскрешению к жизни системы древних; если при этом должны были бы отпасть развитые мной здесь основы, то это отнюдь не является опровергающим меня доказательством, так как я говорю о войне в том виде, в котором она существует в наше время.

7. Следовательно, мы останавливаемся на том, что надо иметь магазины и что этой необходимости невозможно избежать.

Так как эти магазины, как уже было сказано, требуют больших зданий, то они обыкновенно размещаются в довольно больших городах, где таковые постройки уже имеются или возводятся с этой целью еще в мирное время. Так как важнейшее значение затем имеет сохранение в наших руках таких магазинов, так как без них армия была бы вынуждена разделиться на несколько частей, то пункты их расположения необходимо укреплять – по меньшей мере так, чтобы обеспечить их от того, что по-французски называется *coup de main*¹³ т. е. на тот случай, если неприятель, выделив особый отряд, попытается произвести внезапное нападение с целью сжечь или уничтожить запасы.

¹² В данном случае Бюлов приводит Шварцбург-Зондерсхаузен и Шварцбург-Рудольфштадт как пример формально независимых карликовых имперских княжеств: первое имело площадь 860 км², второе – 940 км². – К.З.

¹³ Данное словосочетание с французского переводится как «смелое предприятие», «внезапная атака», «рейд», в данном случае, скорее всего, оно использовано в качестве военного термина, обозначающего «поиск». – К.З.

8. Однако и последнее мероприятие является недостаточным, и по меньшей мере главные магазины должны помещаться в пунктах, достаточно укрепленных, чтобы быть в состоянии противостоять настоящей осаде; эти пункты, следовательно, заслуживают наименования крепостей¹⁴ в подлинном смысле слова.

Мы сейчас же можем открыть причины этого. Правда, иногда магазины закладываются в маленьких неукрепленных городах и даже в деревнях. Но это ошибка, так как они легко могут быть уничтожены высланными неприятелем партиями, и этой чувствительной утраты не пришлось бы нести, если бы было приложено достаточно заботливости и эти маленькие пункты были бы в достаточной мере обеспечены укреплениями, чтобы выдержать первый наскок противника и защищаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. Но главные магазины всегда располагаются в крепостях. Необходимость защиты магазинов является одной из важнейших причин, объясняющих, почему в новейшее время надо иметь крепости; с другими причинами мы ознакомимся далее.

Если бы вблизи границы не находилось ни одной крепости для обеспечения наших магазинов, то это доказывало бы, что мы не подготовлены к войне, и это было бы ошибкой. Из ошибок, однако, правила не вытекают.

Крепость, в которой помещается один из главных магазинов, определяет движения армии, так как последняя питается из нее, а также удовлетворяет свои прочие потребности, и так как армия должна прикрывать данную крепость от противника.

9. Всякое движение армии, целью которого является противник, называется военной операцией.

Я говорю цель¹⁵, а не предмет¹⁶, что составляет разницу. Цель представляет нечто более отдаленное, в большинстве случаев невидимое и менее материальное, если можно так выразиться, чем предмет. В военных операциях не всегда приходится непосредственно метить в противника, как, например, при диверсиях на флангах и в тылу неприятеля; при этом противник часто не является «предметом», так как на него не всегда приходится наталкиваться; но противник всегда остается целью.

Вообще целью военных операций является нанесение ущерба противнику; тот или иной особенный вред, который при известной операции намечается причинить противнику, и является целью данной операции.

Целью всех военных операций, вместе взятых, является мир, выгодный для нас, невыгодный для неприятеля, которого стремятся достигнуть путем нанесения ущерба противнику. С точки зрения этой общей цели, цели отдельных операций, из которых слагается главная операция или война, надо рассматривать как ведущие к ней средства; марши же, из которых состоит операция, в свою очередь, являются средством для осуществления операции, а следовательно, и для достижения ее цели. Иногда операция может быть закончена одним маршем, и при таких условиях цель операции и цель марша сливаются.

¹⁴ В XVIII в., таким образом, крепости строились преимущественно для защиты запасов, приготовленных для армии; те же запасы удовлетворяли нужды обороны крепостей в случае их осады. В XX в. железные дороги уже уничтожили потребность армии в нагромождении запасов в пограничной полосе; огромные запасы (у нас на 4–12 месяцев обложения) нагромождались в крепостях уже специально для их гарнизона, возросшего до 50–100 тысяч человек. Попытка оправдать существование сомкнутых крепостей необходимостью защищать железнодорожные узлы и важные переправы не оправдывается современной техникой – условиями обороны крепости и постройки обходных путей. Таким образом, отпадает необходимость в больших сомкнутых крепостях; за долговременными укреплениями остается лишь значение подготовленных позиций, важных лишь в связи с развертыванием наших армий и намеченными операциями. – *Прим. ред.*

¹⁵ Булов употребляет в данном случае слово *Zweck*, которое имеет характерное отличие от слова *Ziel*, хотя эти оба понятия по-русски объемлются словом «цель»; в данном случае под целью нужно понимать не конечную точку движения, а его смысл, назначение. – *Прим. ред.*

¹⁶ Слово «предмет» здесь надо понимать как сюжет, объект. – *Прим. ред.*

10. Последний, заканчивающий операцию марш всегда имеет общую с ней цель; а последняя военная операция – общую цель с войной.

Большая или меньшая важность цели является отличительным признаком операции от марша, а не количество времени и пространства, так как иногда операция может быть закончена одним маршем; правда, в таких случаях их цели и совпадают. Однако короткий марш может привести к большим результатам, чем длинный; следовательно, время и пространство не играют решающей роли.

Целью различных маршей, из которых складывается операция, является осуществление этой операции; цель же операции представляет нечто более отдаленное и более высокое, так как она получает свой смысл в стремлении к решению всей войны. Цели маршей относятся к более низкой, подчиненной категории.

Операция или марш не всегда имеют своим «предметом» противника, так как в охватываемых ими пределах не всегда имеют место сражение или осада, хотя, как уже было сказано, их целью является противник или виды на такового. Однако операция и марш имеют всегда своим «предметом» географический пункт, находящийся там, где они заканчиваются. Должен иметься известный пункт, достижением которого осуществляется цель операции. Он и является предметом или объектом операции, у которого она останавливается и является завершённой.

11. Так как при всякой операции, как уже было доказано, армия удовлетворяет свои насущные потребности подвозом из главного магазина, помещающегося в крепости, то такой магазин должен рассматриваться как фундамент, субъект или базис операции, и к тому же с двух точек зрения: во-первых, потому, что без удовлетворения насущных потребностей жить невозможно, а следовательно, невозможно также и действовать, удовлетворять же свои насущные потребности армия в состоянии только из магазина; во-вторых, потому, что это необходимое снабжение должно быть защищено от противника, а следовательно, все движения большой армии определяются главным магазином и соответственно ориентируются. Само собой понятно и вытекает из предыдущего, что когда я говорю «магазин», то под этим также подразумевается и содержащая его крепость.

12. Хотя я сказал, что магазины представляют базис операции, однако я это сделал, лишь чтобы упомянуть понятие о базисе. Вообще же единичный магазин не представляет достаточного базиса; настоящее рассуждение как раз и посвящено доказательству этого положения. А так как различные предметы должны носить и различные наименования, то впредь я буду называть базисом или основанием операции лишь линию, которой можно мысленно соединить несколько расположенных друг подле друга магазинов; это наименование тем удобнее, что операция должна представлять известную фигуру, как, например, треугольник и т. д., в которой данная линия является базисом или основанием. Единичный магазин в отличие от настоящего базиса я буду называть субъектом или фундаментом операции.

Объект или конечный пункт операции, в свою очередь, может быть превращен в субъект новой, исходящей оттуда операции, но в общем, как это будет доказано, – это может случиться лишь после того, как будет заложен и установлен базис или основная линия из нескольких операционных субъектов; иначе мы подвергнемся опасности при дальнейшем глубоком вторжении.

13. Можно считать, что понятия субъекта и базиса, а также объекта военной операции точно оговорены нашим исследованием. Но так как между операционным субъектом и операционным объектом находится пространство, по которому должна передвигаться армия, чтобы достигнуть объекта, то отсюда само собой рождается понятие операционной линии.

Так как из одной точки попасть в другую невозможно иначе, как следуя по какой-то линии, то оперировать от субъекта к объекту можно не иначе как по линии, и к тому же по несомкнутой. Для того чтобы намеренно описывать между обоими пунктами замкнутую фигуру,

нет достаточных оснований; вернее, это было бы вовсе нецелесообразно¹⁷, так как несомкнутая линия, во всяком случае, явится более коротким путем, в особенности при условии, что она приближается к прямой. Следовательно, армия движется от субъекта к объекту операции по несомкнутой кривой, так как она стремится возможно скорее достигнуть последнего и в возможно кратчайший срок преодолеть возможно большее пространство.

Итак, можно считать за правило, что операционная линия по возможности должна приближаться к прямой, хотя, точно выражаясь, прямая линия является лишь абстрактным понятием; в природе таковые не существуют, т. е. собственно пути не могут представлять прямой линии.

14. Однако понятие операционной линии должно быть определено еще точнее. Операционная линия – это путь, по которому армия получает из магазина свое снабжение, подвозимое на вьючных животных или повозках. Но так как этот путь должен быть защищен от покушений противника так же, как и сам магазин, то он определяет направление движения войсковых колонн и расположение армии. Следовательно, так как пути маршей колонн армии относятся по своей важности ко второй категории, а путь подвоза – к первой, то операционной линией должен именоваться последний. Определяющее является главным характеризующим признаком, по которому и должно даваться наименование, а отнюдь не по определяемому¹⁸.

Как далеко можно отойти от своего магазина по операционной линии, указывают начала, данные генералом фон Темпельхофом на основе вычисления потребного армии снабжения и времени, в течение которого она на известном удалении должна его получать. Так как это не относится к моей теме, то я не буду приводить выдержек из его примечаний к «Истории Семилетней войны» Ллойда, где их можно прочесть. Кроме того, вычисления приводят к весьма различным рассуждениям в зависимости от той армии, которую при этом имеют в виду.

15. Если от одного и того же субъекта к одному и тому же объекту проходит два или более операционных путей, что, однако, встречается очень редко, то ввиду идентичности их начала, конца и цели с абстрактной точки зрения их можно подвести под понятие одной операционной линии. В большинстве случаев их направления весьма близки друг к другу и образуют довольно удлиненные эллипсы, так как бы очень невыгодно, если бы отдельные пути сильно уклонялись в сторону.

Различными операционными линиями являются лишь те, которые исходят от различных субъектов, хотя бы в результате они и направлялись к одному объекту.

Если армия располагается непосредственно у главного магазина, как Фридрих II в Бунцельвицком лагере у Швейдница, то операционной линии вообще нет¹⁹.

16. Если армия принуждена противником отступить от крепости, в которой помещается главный магазин, то в большинстве случаев операционная линия, исходящая из данной крепости, прекращает свое существование. Если противник продвигается дальше и оставляет крепость у себя в тылу или ее осаждают, то это понятно само собой. Но если это и не имеет места, то все же остается сомнение и неуверенность в том, что это не произойдет; следовательно, подвоз подвергается опасности быть перехваченным; каждому будет представляться более предпочтительным организовать подвоз с тыла, а не с неприятельской стороны. Впрочем, в крепо-

¹⁷ Увы, на практике мы видим удивительные стратегические «вензеля». – *Прим. ред.*

¹⁸ Таким образом, Бюлов, а вслед за ним Виллизен и вся школа, усматривающая сущность стратегии в борьбе за сообщения, центр тяжести переносят на тылы и под операционной линией подразумевают то, что противоположная школа называет собственно коммуникационной линией. Г.А. Леер упорно отказывался выбросить из своего определения операционной линии коммуникационную ее часть (последнее разграничение сделано, например, Н.П. Михневичем), но центр тяжести его операционной линии лежал уже не позади, а впереди армии. – *Прим. ред.*

¹⁹ Это утверждение свидетельствует о недостаточно широком значении, придаваемом геометрическим толкованием Бюлова понятию операционной линии, что было отмечено еще Жомини. Понятие операционной линии плодотворно, лишь будучи поставлено в связь с замыслом операции. Армия, находящаяся у магазина, по отношению к двум концентрически подходящим к ней неприятельским армиям, окажется располагающей внутренними операционными линиями. – *Прим. ред.*

сти, угрожаемой противником, нельзя истощать запасы продовольствия, а следовательно, из ее магазина ничего не должно вывозиться. Если к этому все-таки пришлось бы обратиться, то объектом операционной линии в этом случае являлась бы расположенная позади крепости армия.

Если армия уклоняется в сторону от крепости, содержащей главный магазин, и приближается к другой, расположенной на продолжении операционного базиса, то операционная линия и базис совпадают, и армия будет черпать свое довольствие из наиболее близко расположенной крепости, так как от более отдаленной противник может ее легче отрезать. Это единственный случай, когда базис операционной линии и операционная линия представляют тождество. Впрочем, замечу вскользь, подобные параллельные марши легче всего берут начало на флангах.

17. Собственно операционными линиями являются берущие начало в субъекте или в нескольких находящихся на базисе субъектах и направляющиеся прямо в неприятельскую страну; следовательно, они являются наступательными. Я говорю направляющиеся в неприятельскую страну, а не направляющиеся на противника, так как неприятельская армия может расположиться так, что граница окажется у нее на фланге, а не в тылу. Однако главный предмет войны – всегда неприятельская страна, а в неприятельской стране – тот главный пункт, из которого неприятельская армия хотя бы и не сразу и непосредственно удовлетворяет свои потребности в снабжении и где сосредоточены наибольшие запасы элементов военной мощи; там они могут быть уничтожены в корне, дотла.

Ввиду этого понятие «вперед» с оперативной точки зрения не всегда отвечает тому направлению, куда обернуты лица солдат, т. е. фронту боевого порядка, или лагеря, или головы походных колонн, а совпадает с направлением, по которому душа армии направляет свои духовные взоры. Душа армии – это ее главнокомандующий, или, чтобы точнее выразиться, ее командная власть.

18. Каждая военная операция опирается на три главные пункта: субъект или основание операции, операционную линию и объект. Что каждая операция должна опираться на несколько субъектов, расположенных один возле другого приблизительно по одной линии и, таким образом, образующих собственно операционный базис, это будет доказано в дальнейшем изложении данного трактата.

При таких условиях, как мы уже видели, базис и операционные линии представляют совершенно различные вещи, хотя весьма уважаемые писатели, по-видимому, недостаточно четко разбирались в этих понятиях, чтобы отчетливым образом их различать.

Эти исследования и определения были абсолютно необходимы, чтобы сделать понятным дальнейшее. Что военная система у древних, в особенности у римлян, которые, по-видимому, применяли лучший метод, так как покорили весь мир, имела совершенно иное начало, об этом я упомяну лишь вкратце²⁰.

19. Подполковник Мовильон, конечно, прав, когда он утверждает, что четырехугольная форма лагеря по образцу древних в наше время ввиду артиллерийского огня со стороны противника совершенно неприменима. Однако он подлежит порицанию, когда стремится вывести отсюда огромное превосходство новейших форм войны над классическими и утверждает, будто военное искусство настолько подвинулось вперед, что классики рядом с нами представляются невышедшими еще из детского возраста. Я же, наоборот, хочу доказать, правда, не сейчас, так как нельзя говорить обо всем сразу, а несколько дальше, что новейшая военная система не может сравниться с классической, если мы будем иметь в виду огромные резуль-

²⁰ Бюлов обращает внимание на меньшую зависимость римских армий от снабжения по сравнению с современными, вследствие гораздо меньшего числа лошадей в них, отсутствия артиллерии и необходимости везти с собой грузные огнестрельные припасы. Римляне бивакировали в четырехугольных укрепленных лагерях, где среди войск размещался и их магазин, и, таким образом, были гораздо более независимы от путей подвоза. – *Прим. ред.*

таты, которые достигались в древности со скромными средствами; при современных же условиях, за исключением французов с началом революционных войн, при невероятном расходе сил достигались лишь весьма отрицательные результаты. К тому же мы даже еще не научились действовать соответственно духу новейшей военной системы. Командующие армиями постоянно грешат против него, доказательство чего я поставил своей последующей целью. Следовательно, здесь у нас нечем похвалиться перед древними.

20. Я держусь того мнения, что в наше время положение лагеря должно сообразоваться не с тем, чтобы выжидать в нем противника; при надлежаще принятых мерах и вне лагеря нельзя подвергнуться внезапному нападению, а духу новейшей военной системы отвечает не позиция, а движение.

Глава 2

Начало исследования о наступательной операционной линии. – О единой операционной линии, обосновывающейся на одном субъекте и направляющейся в неприятельскую страну

1. Операционные линии армии можно сравнить с мускулами человеческого тела, от которых зависит движение членов. Если движение того или иного члена опирается исключительно на один мускул и если таковой перерезать, то член окажется искалеченным; тем важнее предохранить такой мускул от какого бы то ни было повреждения. Таким же образом единственная операционная линия армии, переходящая к наступательной работе, является крайне чувствительной частью, и следует не упускать из вида необходимость предохранить эту линию от всякого вредного соприкосновения с ней противника. Принципы должны не разваливать, а созидать и быть не отрицательными, а позитивными утверждениями. Я привел достаточно обоснований и данных, чтобы быть вправе завершить их следующим положительным стратегическим принципом:

«В оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед противником и пассивно претерпевать его наступательные предприятия, а следует избирать позиции в стороне; затем необходимо самим переходить к наступательной войне, начав предприятия против фланга и тыла противника, ориентируя их на следующий к нему подвоз и оставляя неприкосновенным его фронт. Непосредственно перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который бы препятствовал ему сосредоточить свое внимание на флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как большая часть войск будет оперировать против неприятельского снабжения и по возможности на его территории; само собой понятно, что означенные операции будут происходить в неприятельском тылу».

2. Тем не менее на войне бывают случаи, когда результат, казалось бы, противоречит данному положению. Однако таковые случаи преимущественно берут свое начало в стремлении не применять правил войны и еще чаще – в незнании правил войны и в неспособности надлежащим образом их применить.

Бывают случаи, когда обстоятельства, в широком смысле этого слова, свойства местности и народа, с которым ведется война, не только заставляют умерять это правило, но даже рекомендуют применение совершенно обратного метода. Однако это не лишает силы правил войны, а также отнюдь не доказывает, что военное искусство никогда не может превратиться в науку; правда, в нем всегда столько будет предоставлено вашему суждению, что, будучи наукой, оно всегда также останется и искусством.

Искусство именно и является применением науки, которое всегда остается функцией разума.

Если какое-нибудь основное правило войны подлежит видоизменению, то это вовсе не доказывает, будто вообще не существует правил, а лишь означает, что над ним стоит более высокое правило и что оно поэтому должно применяться с рассуждением. Обратившись к разуму, легко установить те случаи, когда война требует уклонения от только что указанного правила войны, которое включено в вышеприведенный принцип наступления. Известный характер неприятельского полководца, его малограмотность в военном деле, его робость, характер его войск, их малодушие, недостаточная дисциплина, малая подвижность, которыми они страдают, все это дает полное право генералу оперировать на флангах и в тылу, хватать за горло противника, который и ничего не понимает, и ни на что не осмелится, не беспокоясь при этом о собственных флангах и тыле.

3. Я уже несколько раз упоминал, что при десанте в Англии, безусловно пришлось бы отказаться от основного положения о базе; дело заключалось бы лишь в том, чтобы достигнуть известного пункта, имеющего всерешающее значение, а именно Лондона. Причина заключается в том, что меркантильная, антивоинственная английская нация привыкла усматривать в столице, где главным образом сосредоточиваются ее богатства, центр своего политического существования. Всю эту операцию можно было бы назвать огромным мышиным дозором – выражение, которым гусары обозначают дерзко выдвинутый вперед разъезд, подвергающийся опасности быть отрезанным²¹.

Одним словом, весьма легко привести примеры, когда можно было наступать, не имея базиса, но также легко будет разыскать те причины, почему в том или ином случае не последовало должного возмездия за подобные наступления.

Глава 3

Об операционных линиях, заключенных в остроугольный треугольник или небольшой сектор в 60° и менее

1. Невыгоды такого оперативного положения почти столь же велики, как и только что рассмотренные. Если оба крайних пути, по которым может направляться к нам подвоз, сходятся у объекта операции, образуя угол не более 60 градусов и даже менее, то такую операцию ни в коем случае нельзя считать достаточно прочно базированной.

Армия D не может продвинуться в направлении к объекту C, если противник E надвигается на операционную линию BC, образующую здесь сторону треугольника ABC, как и в предыдущем случае, D оказывается немедленно вынужденным отдать часть сил F для прикрытия операционной линии BC, так как она не в состоянии отрезать E от его магазинов, которые последний может и должен иметь в районе G. Следовательно, армия D таким движением неприятеля в ее тыл будет также обречена на переход к оборонительной войне, как и располагая одной операционной линией. Однако здесь имеется та выгода, что E не может также перерезать AC, так как если бы E захотело продвинуться до AC, то оно подверглось бы опасности оказаться отрезанным D от своих магазинов в районе G. Предположим случай, когда прохождение от одной стороны треугольника ABC до другой возможно, тогда AC оказалось бы перерезанным, но BC, наоборот, по вышеприведенному основанию будет свободным. Но так как противник E находится на собственной территории, то у него также будут иметься магазины в районе H, и он с противоположной стороны перережет линию AC с помощью корпуса J. Следовательно, D должно оставить некоторые силы и против корпуса J.

²¹ У Ллойда (см.: Стратегия в трудах военных классиков. Т. 1. М., 1924. С. 44) также приведен пример наступления на Лондон; исходя из необходимости неприятелю базироваться, Ллойд пришел к успокоительному для англичан заявлению. Бюлов, допуская возможность развития десантной операции в стиле кавалерийского налета, далеко уходит от всякого педантизма. – *Прим. ред.*

2. Чем короче базис, тем ближе мы подходим к случаю, когда приходится наступать по одной операционной линии. Таким образом, угол у объекта С, который я впредь буду называть объективным углом, скорее характеризует добротность операции, чем длина линий подвоза; как бы коротки последние ни были, это помочь не может, если объективный угол мал.

Глава 4

О расходящихся операционных линиях

1. Распыление сил против нескольких объектов одновременно приводит к тому, что ни против одного не удастся развить надлежащего натиска. Это ослабляет самих себя и предоставляет неприятелю случай разбить нас по частям. Удачных результатов можно ожидать лишь там, где удастся сосредоточить больше действующих сил, чем может противопоставить неприятель. Решение дают массы, сосредоточение создает силу, разделение – слабость.

Такой образ действия напоминает человека, который одновременно путается с сотней разнообразных дел. Он ни одного из них не доведет до конца.

2. Стратегический принцип гласит следующее: «Когда база протягивается настолько, что обе крайние операционные линии у объекта операции образуют угол больший чем 60° , то является возможность наступать, но не ранее».

Генерал Ллойд объясняет трудность оперирования в Америке необходимостью наступать по расходящимся линиям. Но, конечно, ясно, что от одного пункта на побережье в глубь страны можно наступать лишь по расходящимся линиям, если хотят хотя бы до известной степени обеспечить свои фланги и тыл.

При этом тыл и фланги противника всегда оказываются обеспеченными, тыл же и фланги высадившегося обеспечены тем менее, чем больше он продвинется вперед. Если он сильно углубится, то он настолько ослабит себя оставлением позади отдельных отрядов, что у него окажется недостаточно сил для атаки.

Существенные опасения будет возбуждать каждое движение противника по направлению к пункту высадки²². Попытное движение высадившихся частей окажется немедленно необходимым. Следовательно, наступательную войну невозможно удачно вести по расходящимся операционным линиям, конечно, при условии, что противник будет действовать целесообразно.

Глава 5

О параллельных операционных линиях

1. В предыдущей главе было указано, что необходимо прежде, чем предпринимать что-либо наступательное, базировать себя достаточным образом. Если операция достаточно базирована, то можно двигаться вперед и по параллельным операционным линиям, – чтобы одновременно атаковать несколько объектов, расположенных на приблизительно параллельных с

²² Одно из существенных преимуществ нашей огромной территории – это та возможность широкого базирования, которая ложится в основу учения Бюлова. Последний в конце своего стратегического исследования приходит к выводу, что уже по недостатку широкой базы малое государство существовать не может и должно будет уступить место большому (здесь Бюлов видел стратегическую предпосылку объединения Германии). Особенно резко проявились условия базирования в Восточную войну, когда союзники, высадившиеся в Крыму, боялись отойти на десяток верст от побережья, чтобы не потерять сообщений с Балаклавой, и должны были заняться долблением Севастополя, отказавшись от каких-либо полевых маневров. Точно так же в Гражданскую войну Врангель на Таврическом полуострове имел совершенно недостаточную по ширине базу для наступательных действий, был вынужден к северу от Перекопа действовать по расходящимся операционным линиям, и над белыми войсками сразу же нависла опасность катастрофы; операция конца октября – начала ноября 1920 г. являлась только реализацией создавшегося положения. Таковые же стратегические судьбы, по-видимому, ждут всякую десантную экспедицию на наш берег. – *Прим. ред.*

базой линиях, и которые, следовательно, достигаемы по операционным линиям, идущим также приблизительно параллельно друг другу.

Чертеж 2. AD – база, на которой расположены крепости A, B, C, D, являющиеся субъектами стольких же операционных линий, по которым к объектам E, F, G, H следуют корпуса 1, 2, 3 и 4. У каждого, конечно, возникнет замечание, что это называется одновременно предпринимать очень многое, и, следовательно, надо быть очень сильным, чтобы привести все намеченное в исполнение, а противник должен быть очень слабым, чтобы все это допустить.

Далее среди объектов E, F, G, H, по всей вероятности, должен быть один, достигнуть и овладеть которым является наиболее желательным, а следовательно, против него необходимо направить больше сил, чем против остальных.

Не все объекты вполне равноценны, один из пунктов E, F, G, H должен более представлять ключ к неприятельской стране, чем прочие; точно так же и в бою на неприятельской позиции заранее избирается пункт, который называют ключом позиции и против которого, главным образом, и направляют свои силы. Искусство обнаруживать этот пункт всегда очень ценилось у полководцев; его дает главным образом военный глазомер. Таким же образом и искусство открыть этот стратегический ключ, если можно так выразиться, главный объект, против которого надлежит действовать, по своей чрезвычайной важности поистине является отнюдь не маловажным достоинством полководца²³.

2. Против главного объекта надо сосредоточивать больше сил, чем против остальных, и при этом нечего опасаться оказаться здесь чересчур сильным, разве что мы имеем исключительно большое превосходство над противником. В последнем случае, когда противник едва ли может рискнуть встретиться с нами в поле, было бы вполне целесообразно на широком стратегическом фронте вести наступление по параллельным операционным линиям в глубь неприятельской страны, чтобы захватить возможно большее пространство. Однако это положение нельзя выдвигать, как правило. Когда приходится иметь дело с врагом, который не может защищаться, тогда и искусство воевать совершенно излишне; оно изучается лишь для того, чтобы уметь выдержать борьбу с сильным противником. В настоящее время войны ведут между собой только крупные державы, и при этом не приходится встречать такого большого неравенства в силах.

3. Следовательно, против неприятеля, который может обороняться, наступление, расплывчатое по параллельным операционным линиям, во-первых, было бы безрезультатно и бесполезно, потому что нигде не оказалось бы ни достаточно сил, ни достаточно времени, чтобы произвести давление и достигнуть объектов, а во-вторых, опасно в случае, если противник поступит так, как надлежит, и перейдет от оборонительной войны к наступательной.

Он всегда имеет возможность сосредоточиться путем форсированных или скрытых маршей, схватить за горло один из корпусов 1, 2, 3, 4, потрепать его, заставить выйти из операции и затем начать оперировать против тыла или линий подвоза остальных. Так как вклиниться между двумя корпусами столь же мало шансов, как и между двумя бастионами, то атака фланговых корпусов 1 или 4 представляет наибольшие выгоды. После того как они окажутся оттесненными, центральные корпуса будут вынуждены перейти к оборонительной войне, так как им придется немедленно обратить фронт к флангу, чтобы прикрыть свои операционные линии и не быть смятыми фланговым ударом. Они должны будут двинуть назад отряды и даже протянуться до самой базы, чтобы образовать завесу для путей подвоза. Наступательная война уйдет в область воспоминаний. Однако так как параллельно оперирующая армия достаточно базирована, то она имеет то преимущество, что противник из страха быть самому отрезан-

²³ Учение о стратегических и тактических ключах держалось упорно свыше ста лет. Бюлов был совершенно прав в данном случае, образным выражением подчеркивая необходимость выделения главной цели от второстепенной. Впоследствии стали требовать розыска на каждой позиции ее тактического и стратегического ключа. Термин привел к таким злоупотреблениям, что надо приветствовать исчезновение его из военного обихода. – *Прим. ред.*

ным не рискнет развить обход так далеко, как в предыдущих случаях. Даже больше шансов на то, что действия, направленные из нашей базы, из крепостей А и D, заставят его поспешить обратно к своей базе. Если между корпусами 1, 2, 3, 4 имеются значительные интервалы, то и один из средних, конечно, может быть оттесненным противником без опасности для последнего, и тогда прилегающие операционные линии окажутся подверженными его нападению, прежде чем удастся подоспеть одному из фланговых корпусов – 1-му или 4-му.

4. Я уже указал случаи, когда является целесообразным продвигаться по трем и более операционным линиям. Когда главные силы обращаются на один объект, а против других выдвигаются лишь с целью отвлечь противника, то создается совершенно иное оперативное положение, чем то, о котором здесь шла речь. Параллельно оперировать приходится лишь в тех случаях, когда в наличии имеется несколько в равной степени серьезных объектов, расположенных рядом; только о таких операциях здесь и говорится.

Чем больше силы разбрасываются, чем больше объектов, против которых предполагается одновременно действовать, тем более скверной является планировка операции, тем меньше открывается возможность где-либо достигнуть значительного результата, и вы оказываетесь повсеместно слишком слабыми, чтобы оказать сопротивление соответствующему сосредоточивающемуся противнику. Вы будете по частям разбиты и уничтожены, если только противник умеет воевать; создавать из войск стену – это самый неосмысленный способ ведения наступательной войны.

Если противник где-нибудь усиливается на линии объектов ЕН и вы сосредоточиваетесь соответственно против него, своевременно обнаружив неприятельские передвижения, то отсюда вытекают параллельные марши, в течение коих нельзя предпринять ничего наступательного. Подобное метание с фланга на фланг для того, кто хочет атаковать и завоевать, является крайне нецелесообразным; пройдет немного времени, и он окажется вынужденным перейти к оборонительной войне²⁴. Таким образом, я полагаю возможным принять, что не следует обращаться к параллельным наступательным операциям, за исключением указанного случая, т. е. при наличии очень большого превосходства над противником.

Глава 6

Об операциях, заключенных в тупоугольный треугольник или в сектор в 90° и более

1. Количество градусов, которым должен измеряться объективный угол, в конце концов можно определить лишь для каждого данного случая в отдельности. Если кто-нибудь скажет, что я утверждаю, что необходимо визировать астролябией, чтобы определить, благоразумно ли начать осаду крепости или достаточно ли обеспечен подвоз с тыла к данной позиции, то я отвечу, что, прежде чем предпринять наступательную операцию, во всяком случае, необходимо по карте измерить величину объективного угла и принять ее во внимание; а впрочем, остроты не являются опровержением.

2. Величина объективного угла, являющегося единственным критерием добротности операции, представляется более решающей, чем направление базы, хотя последнее и не вовсе безразлично. Ввиду этого, из всех предыдущих исследований вытекает следующий принцип: «Прежде чем начать операцию против определенного объекта, необходимо организовать

²⁴ Русское наступление осенью 1914 г., имевшее объекты в Восточной Пруссии, Познани и Силезии, в Галиции и Карпатах, предпринятое без подавляющего превосходства сил, представляет тип операций, подходящий под приведенную классификацию Бюлова. Русские армии действительно образовали стену и для отражения неприятельских ударов были вынуждены перебрасывать резервы с одного фланга на другой. В этих перебросках наступательная энергия русских войск расплылась и захлестнулась, и уже в ноябре мы были вынуждены осознать, что мы не наступаем, а обороняемся. – *Прим. ред.*

достаточно устойчивое базирование или быть базированным так, чтобы был достигнут объективный угол в 90 градусов и более, и, следовательно, оперировать в треугольнике и секторе в столько же градусов».

Глава 7

О выгоднейшем направлении и о форме базиса²⁵

1. После того как было доказано, что базис должен быть достаточного протяжения, чтобы образовать объективный угол в 90 градусов и более, мы перейдем теперь к обсуждению направления этого базиса. Правда, для внимательного читателя это должно само собой вытекать из предыдущего; однако мы не затрагивали данного вопроса по существу; он же настолько важен, что заслуживает, чтобы его подробно рассмотрели; тем более что мы уже говорили о наступательных операциях, развиваемых впереди базиса; в дальнейшем мы хотим говорить об отступлении от базиса в глубь собственной страны; порядок изложения требует в промежутке между двумя этими вопросами рассмотреть и то, что находится между ними. Эта часть и есть базис.

2. Ясно, что охватывающая противника дуга представляет наиболее выгодную форму базиса, так как внутри дуги АВ (чертеж 3) противник не может занять никакой устойчивой позиции. Он находится в мешке, который можно затянуть. Вся территория, заключенная в дугу АВ, не поддается защите. Все крепости, расположенные в ее пределах, должны попасть в руки противника, базированного столь удачно, так как около С нет объективного угла, а оно лежит на диаметре, окружающем АВ, и все крепости, находящиеся между диаметром и окружностью, как, например, D и E, уже окружены и при надлежащем образе действий не могут быть защищены. Единственное, что может предпринять противник, это захват крепостей А и В как конечных пунктов базы, чтобы этим путем сократить дугу охвата. Все операции, предпринимаемые обороняющимся в пределах дуги, не могут ему удасться, и окруженную территорию он должен рассматривать как уже завоеванную неприятелем²⁶.

3. Как вытекает из сказанного, противоположная форма – выпуклая дуга – является наименее удачным очертанием границы, или базиса. Крепости С и D (чертеж 4) очень подставлены противнику, и в сущности их невозможно удержать, как только он их отрезет двумя колоннами E и F. Единственный способ противодействия – это операции, предпринятые из А и В в стороны и несколько вперед, чтобы вызвать у E и F опасения за их собственные фланги и тыл и принудить их к отходу; можно постараться захватить какую-нибудь крепость, расположенную в районе G и H. Чем эксцентричнее дуга, чем больше она приближается к эллипсу, как,

²⁵ В основе всех выводов Бюлова лежит ясное предпочтение принципа базирования принципу массирования, вытекающее из скромной роли, отводимой им бою. Это было верно в отношении XVIII в., и во многом верно и для настоящего времени, но являлось ошибочным для Наполеоновской эпохи. Если стать на противоположную Бюлову точку зрения о сосредоточении всех сил в решительный момент на решительной точке, как это сделал Жomini, то все положения Бюлова о базировании получат совершенно обратный смысл: внутренние линии выгоднее наружных, одна операционная линия выгоднее нескольких, узкая база, позволяющая не разбрасывать войска для ее защиты, выгоднее широкой, отступать следует не эксцентрически, а концентрически и т. д. Решающее значение имеет размер масс, степень зависимости от подвозимого с тыла снабжения, более или менее затяжной характер боевых столкновений. Эволюция военного искусства как бы направляется в сторону, оправдывающую учение Бюлова. – *Прим. ред.*

²⁶ Таково, например, было положение русских армий в польских губерниях, охваченных с одной стороны Восточной Пруссией, а с другой – Галицией. При серьезных наступательных операциях австро-германцев положение русских армий являлось здесь стратегически невыносимым. Отсюда стремления В.А. Сухомлинова в 1910 г. отнести назад наше сосредоточение на Неман и Буг, что вызвало такой переполох во Франции. Отсюда стремление русского командования первоначальными объектами избрать оконечности неприятельского базиса – Восточную Пруссию и Восточную Галицию, чтобы поставить первой задачей войны выпрямление нашего фронта на нижней Висле; требование французского генерального штаба начать немедленно наступление на Познань явно противоречило основным положениям стратегии. – *Прим. ред.*

например, АСВ (чертеж 5), тем меньше шансов удержать крепости, расположенные в районе С, и тем сильнее сказываются все вышеприведенные невыгодные стороны такого положения²⁷.

4. Смешанный базис, образующий выпуклые и вогнутые дуги или углы, можно сравнить с крепостью, укрепления коей состоят из бастионов и куртин. В вогнутую часть дуги противник имеет столь же мало шансов проникнуть, как и в куртину, между двумя выдвинутыми флангами бастионов. Выгнутые части или в них расположенные крепости С D (чертеж 6) находятся в угрожаемом положении, но не в такой мере, как крепость С (чертеж 5), расположенная на изолированной выпуклой дуге, так как при нападении на С (чертеж 6) легко может быть устроена диверсия на неприятельской территории между Е и F.

Но кто же не обратит внимания, что базис AG (чертеж 6) состоит собственно из двух рядов крепостей, расположенных по прямой С и D в первой линии, А, В и G во второй. Следовательно, имеются налицо все следствия, которых надо ожидать при прямом базисе.

5. Если бы концы базиса выдвигались вперед (чертеж 7), то это было бы, конечно, выгодным. Если выдвинутая вперед крепость расположена там, где кончается база, и она обеспечена большой рекой или даже морем, так что ее невозможно обойти, тогда эти выдвинутые вперед крепости А и В образуют очень страшные фланги, которых невозможно безнаказанно миновать. При поддержке этих крепостей можно легко устроить весьма угрожающую диверсию в тыл армии, продвигающейся между А и В, при том по неприятельской территории, в особенности если войска будут предварительно оттянуты от центра, сосредоточены у А и В, а затем действовать против фланга наступающей армии²⁸.

Если же обе выдвинутые крепости не имеют опоры и витают в воздухе, то ясно, что они сами окажутся первой жертвой противника, который легко может их отрезать.

6. Остается еще рассмотреть лишь прямой базис, все крепости которого расположены приблизительно на одной прямой. Та база, которая протягивается за фланги неприятельской, и есть наилучшая. Ввиду этого база CD (чертеж 8) является более выгодной, чем база АВ, так как против С и D [50] не расположено ни одной крепости. Следовательно, неприятельская страна совершенно откроется для операций С и D в направлении на Е и F. Отсюда вытекает правило, что против каждой неприятельской крепости по возможности надо стремиться построить свою. Однако существенно важно иметь таковые лишь против конечных крепостей базы. Между двумя крепостями, если они не слишком далеко отстоят друг от друга, проникнуть не так легко. Таким образом, одной крепости G могло бы быть достаточно для прикрытия пространства между С и D против крепостей А, Н и В.

Глава 8

Об отступлении от базиса. – Об отступлении по одной линии и об отступлениях, концентрирующихся в остром или тупом углу

1. После того как мы рассмотрели вопросы о базированных наступательных операциях и о самом базисе, на очередь выдвигается вопрос об отступлении от базиса.

²⁷ Такой невыгодный случай представляло в 1916 г. очертание Валахии, которая была охвачена с севера Трансильванией и с юга – Болгарией. Действительно, единственным возможным методом оперирования румын было наступление в стороны и вперед – из Добруджи в Болгарию и из Молдавии и Валахии – в Трансильванию. Неудача этих наступательных попыток, в сущности, определил уже судьбу Валахии, и Э. Людендорф мастерски реализовал создавшиеся для немцев плюсы зимним походом, изумившим широкие массы своей кажущейся дерзостью. – *Прим. ред.*

²⁸ Это была бы теория «Канн» Ф. Шлиффена, если бы Бюлов имел в виду действительное уничтожение, окружение, сокрушение неприятельской армии, а не устройство только очень угрожающей диверсии; но вместо уничтожения неприятеля Бюлов думает лишь о том, как вынудить его к отступлению. В отношении этой бескровности учение Бюлова является плодом XVIII в.; насилию оно не дает достаточного простора. – *Прим. ред.*

Отступление по одной операционной линии является весьма ошибочным. Предположим, что армия О (чертеж 9) отходит по линии АВ. Ясно, что неприятель, выделив два корпуса D и D на фланги и назначив только небольшую часть своих сил Е для того, чтобы следовать непосредственно за армией С и придерживать ее отступление, имеет возможность армию С отрезать от В или даже достичь В раньше нас. В последнем случае мы окажемся окруженными. Далее, вся местность, находящаяся правее и левее линии АВ, попадает в руки неприятеля; а при отступлении стремятся прикрыть территорию настолько, насколько это только является возможным.

2. Столь же нецелесообразным являлось бы концентрическое отступление, посредством которого из широкой группировки мы бы концентрировались в более сосредоточенную, причем две крайние операционные линии АС и ВС сходились бы в одну у объекта отступления С, образуя острый угол (чертеж 10) или тупой (чертеж 11). Здесь повторяются все недостатки отступления по одной операционной линии. Полководец может быть вынужден прибегнуть к такому отходу, если он важный пункт, например столицу, хочет прикрыть занятием выгодной позиции С. Однако это мероприятие окажется бесплодным, если неприятель понимает военное искусство и очерченным раньше способом будет оперировать против флангов. Позади лежащая страна прикрывается много лучше, если мы будем нажимать на фланги вторгающегося неприятеля и сами перейдем от оборонительной к наступательной войне.

Занять позицию, ждать на ней неприятеля и переносить результаты его обходных движений – это худшее, что возможно только предпринять.

Глава 9

О параллельных и эксцентрических отступлениях

1. Отступление от базы АВ (чертеж 12) по параллельным линиям так, чтобы корпуса 1, 2, 3 и 4 двигались по линиям АС, EG, FH и BD, правда, является более выгодным, чем вышеприведенное концентрическое отступление, во-первых, потому, что при параллельном отступлении лучше удастся прикрывать страну, во-вторых, потому, что противник не так легко может броситься в обход нашего фланга, и в-третьих, потому, что вы сами оказываетесь в состоянии ударить во фланг противнику. Его наступление будет задерживаться уже и тогда, если нам удастся все время приковывать его внимание к тому, что мы собираемся предпринять. Однако можно поступить еще лучше, сделав дальнейший шаг вперед и организовав эксцентрическое отступление.

2. Параллельные отступления основываются на мнении, что тот или иной пункт прикрывается лучше всего расположением прямо перед ним и что наступление противника останавливается только тогда, когда противопоставят себя ему прямо на его пути. Если верить нашим чувствам, это действительно так. Но наши чувства часто нас обманывают, оказываются блуждающими огоньками, которые заводят нас в топку. Так обстоит дело и в данном случае. Это положение не являлось вполне правильным даже для античного военного искусства²⁹, а в наше время оно вовсе не отвечает действительности. Теперь развивающееся наступательное движение задерживается не путем расположения против сильнейшей его части, т. е. против фронта, а выдвиганием против его слабейшей части – флангов и тем самым одновременно и тыла, что угрожает существованию противника и связи его с источниками его сил.

²⁹ Булов полагал, что ввиду отсутствия в армиях древности огнестрельного оружия и отсутствия необходимости подвоза боевых запасов древние могли оперировать в несравненно меньшей зависимости от своих сообщений, чем современные армии. – *Прим. ред.*

Ввиду этого эксцентрические отступления являются наилучшими. Если армия отступает от А, В, С, D, E (чертеж 13) на F, G, H, J, K, то противник не может проникнуть в дугу FK, не подвергаясь опасности оказаться охваченным и окруженным.

Уже с давних времен существует правило, что при отступлении следует разбиваться на различные колонны и отряды, чтобы, как говорили, развлекать внимание противника.

Но эксцентрические отступления, насколько нам известно, никогда не выдвигались, как правило; мне кажется, я сумею доказать, что они представляют одно из важнейших правил войны.

Я уже говорил, что развлечение внимания противника в сущности является беспокойством, которое возбуждается у неприятеля относительно его флангов и тыла.

3. Что эксцентрические отступления являются наилучшими, это уже вытекает из того, что было сказано относительно нецелесообразности наступательных операций по расходящимся операционным линиям, а также единой операционной линии или по линиям, сходящимся под острым углом. Если в наступательной войне наиболее выгодными являются концентрические операции, то в оборонительной войне наилучшими должны быть эксцентрические. Сущность дела в обоих видах войны представляет полную противоположность, так как интересы наступательной и оборонительной войны противоположного свойства. Я все-таки коснусь, в частности, отступлений, хотя и очень кратко, чтобы избавить читателя от труда самому сделать самостоятельные выводы.

4. Учение об эксцентрических отступлениях критикуется теми, кто всегда озабочен сосредоточением собственной мощи. Но они не сумели из духа новейшей войны прийти до заключения, что свою мощь можно использовать лишь тогда, когда она выведена на фронт и развернута. Люди, стоящие друг возле друга, могут стрелять, люди же, которые стоят друг за другом в затылок, этого делать не могут.

Боевой порядок современных войск имеет недостаточно внутренней силы, чтобы прорвать противника натиском холодного оружия. Как придать такой сильный импульс боевому порядку, не ослабляя силы его огня, это я покажу в другом труде.

Эта всесторонняя слабость новейших фаланг и вызывает необходимость в растянутости, так как чем меньше можно добиться боем, тем больше надо стремиться достигнуть маневрированием.

Но я называю маневрированием и те случаи, когда против неприятеля выдвигают стрелков, а за ними, как за завесой, маневрируют в стороны, чтобы выиграть неприятельские фланги. Большинство современных боев, в сущности, является лишь маневрированием.

5. Из современного сражения, являющегося, как сказано, только маневром³⁰, легко выйти. Тяжелые пушки и конница прикрывают отступление. Если оно направляется в стороны и назад и ведется, таким образом, эксцентрически, то фланги преследующего неприятеля падают тактически и стратегически под такую угрозу, что он не только будет вынужден прервать преследование, но и повернуть свой фронт направо и налево.

В этом лежит тайна, как из кажущегося поражения извлечь результаты блестящей победы. Генерал, который после проигранного сражения сумеет обойти фланги своего противника, будет прославлен.

³⁰ Бюлов делал заключения по революционным сражениям (1792–1795), которые действительно давали результат при потерях в 5–10 раз меньших, чем сражения Фридриха Великого; молодые войска республики не выдерживали тех 30–50?? убитых и раненых, коими устилали поле сражения дисциплинированные батальоны Семилетней войны. Но как только явился Наполеон (1796), сражения сейчас же перестали быть маневрами, и удары, наносимые Наполеоном, были совсем не такого порядка, чтобы после них сейчас же думать об охвате противника. Мысли Бюлова об эксцентрическом отступлении получили большое распространение и, между прочим, легли в основу нашего плана войны в 1812 г. (деление русских войск на две армии, причем та из них, на которую бросится Наполеон, отходит, а другая выдвигается на сообщения французов). – *Прим. ред.*

Фолар дает прекрасное правило: надо только вообразить себе, что поражения нет, и оно действительно прекратит свое бытие. Современные сражения поглощают сравнительно так мало сил, что Фридрих после такого сражения воспрянул бы с воскресшей мощью.

Чтобы извлечь пользу из проигранного боя, чтобы пожать после него все плоды победы, надо отходить эксцентрически – сперва тактически, затем стратегически. Первым вопросом при отступлении является быстрый выход из пределов поражения ружейного огня и картечи. Я не требую для этого момента эксцентрических движений. Но как только войска вышли из зоны действительного огня, начинается эксцентрическое отступление. Оно ведется на дальность пушечного выстрела тактически и продолжается затем стратегически. И оно перестает быть отступлением, как только наши фланговые колонны начнут продвигаться вперед.

Глава 10

Выводы из предыдущих рассуждений относительно духа новейшей системы войны

1. Из всего сказанного вытекает, что духу новейшей системы войны более свойственно выдвигать целью операций неприятельские магазины и линии подвоза, соединяющие их с армией, чем саму неприятельскую армию. Причина этому заключается в том, что новейшие армии не могут продолжительное время жить теми запасами, кои они имеют при себе, и зависят от находящихся вне армий источников. В этом они напоминают людей нашего века, которые свое благополучие, равно как и всю свою сущность, полагают во внешности, а не ищут в самих себе. Магазины – это сердце, при повреждении которого разрушается коллективный человек, т. е. армия. Линии подвоза – это мускулы, перерезав которые мы парализуем весь военный организм. Так как магазины и линии подвоза могут находиться лишь сбоку или сзади, то выходит, что фланги и тыл должны являться предметом операций как в наступательной, так и в оборонительной войне. Отсюда, в свою очередь, следует, что надлежит избегать боев, по крайней мере фронтальных боев³¹. В наступательной войне гораздо легче принудить противника к отступательным движениям путем воздействия на средства его существования, т. е., как уже было сказано, на его фланги, чем стремиться посредством атаки силой выбить его из занимаемой позиции. Он весьма скоро найдет другую позицию, на которой вновь будет оказывать сопротивление.

2. В оборонительной войне скоро поймут всю бесплодность параллельных позиций и параллельных маршей, с целью создать плотину, которая бы остановила противника. Не существует ни одной позиции, как бы она ни была хорошо приспособлена к местности, как бы удачен ни был ее выбор для прикрытия территории, из которой нельзя было бы изгнать неприятеля быстрым маневром, направленным на фланг, даже если он располагает превосходными силами. Поэтому я могу трижды подписаться под правилом, хотя и являющимся новым, что в сущности никогда не следует вести оборонительной войны, а следует немедленно переходить к наступательной, действуя на неприятельские фланги и оперируя против его тыла. Даже будучи слабым, искусный полководец может атакой магазинов и линий подвоза принудить к отступлению и переходу к оборонительной войне более сильную армию, тем более что достаточно лишь

³¹ Просветительная гуманистическая философия XVIII в. сбивает мысль Бюлова с правильного пути. Следовало бы изложить это заключение так: крупный стратегический успех дает лишь разгром неприятельской системы снабжения, связи, управления, снабжающих его дорожных артерий. Чисто фронтальный прорыв лишь при необыкновенной мощи может проникнуть так далеко, чтобы развалить весь механизм неприятельского тыла, без повреждения коего неприятель сейчас же залечит свои мелкие, исключительно тактические раны. Отсюда решающее значение получают операции, ведущиеся в охват или обход неприятельской армии и приводящие нас скорейшим путем к положению, позволяющему взять противника за горло. И, взяв за горло, надо реализовать свой успех, задушив противника – развив операцию до полного сокрушения неприятельской армии. – *Прим. ред.*

приблизиться к операционным линиям, чтобы их убить, т. е. прекратить по ним движение. Таким образом, общее правило таково: «следует располагаться не прямо против неприятеля, а у него на фланге»³².

Глава 11

Различие между стратегией и тактикой

1. Прежде чем распространять правила стратегии на тактику, надо сначала установить, каково наше мнение о стратегии и тактике и где надо провести между ними границу.

Тактика во всем ее объеме является наукой о боевых передвижениях, имеющих своим предметом неприятеля; стратегия же – наука о передвижениях, в которых противник является целью, но не предметом³³.

Тактика в тесном смысле является наукой о боевых передвижениях в пределах поля зрения неприятельской армии, точно так же как стратегия в широком смысле представляет науку о передвижениях, происходящих вне пределов зрения противника.

Это второе, более наглядное определение слишком ограничивает пределы тактики, исключая из ее сферы подход колонн к сражению; тем не менее последний относится к тактике и должен рассматриваться вместе с ней, так как он накладывает исключительно определенный отпечаток на тактические движения в узком смысле этого слова. Однако надо дать еще более наглядное определение. Для совершенно узких лбов надо давать и непросторные объяснения. Для них я введу еще поправку в данное мною определение и скажу: где обмениваются ударами, там тактика; где не дерутся – там стратегия.

Стратегия состоит из двух главных частей; марш и лагерь³⁴. Тактика состоит из двух главных частей: развертывание и бой или атака и оборона. Все это вместе есть война.

Тактика является дополнением к стратегии. Первая заканчивает то, что подготавливает вторая. Тактика является ультиматумом стратегии; последняя ею заканчивается или с ней сливается. Как уже говорилось, началом тактики является развертывание походных колонн перед сражением. До этого момента – все стратегия, с этого момента – все тактика.

Глава 12

Тактические заключения

Все стратегические правила могут быть применены и к тактике, если только понятие базиса подменить линией фронта боевого порядка, а вместо операционных линий иметь в виду направления движений и стрельбы.

Можно всегда избежать боя, если только не подпускать противника на слишком близкое расстояние.

Никогда не следует встречать атаку, оставаясь на месте, а надо самим переходить к наступлению, разве что позиция будет почти неприступной.

Нет позиции, которая не могла бы быть обойденной.

³² Таким образом, Булов является тем источником, откуда далее развилась теория фланговых позиций. Клаузевиц принял ее, но с той оговоркой, что фланговая позиция не должна оставаться кулаком, занесенным в воздухе для удара; важна не угроза, важна сама реализация флангового удара из этой позиции. – *Прим. ред.*

³³ Мысль Булова понимается нами так: «Тактика непосредственно нацеливается на врага, а стратегия видит лишь конечную цель в победе над ним и выдвигает ближайшие цели и помимо неприятельских войск». – *Прим. ред.*

³⁴ Т. е. движение и расположение на месте. – *Прим. ред.*

Надо только развлекать противника на фронте, а самим набрасываться на один или оба его фланга.

Надо противника охватывать, т. е. иметь более длинный фронт, чем у него.

Когда вы находитесь на фланге противника, то вы охватываете его, хотя бы он был гораздо более многочислен.

Стрелковый бой в рассыпных строях выгоднее, чем ведение боя выравненными, сомкнутыми строями, которые к тому же быстро приходят в беспорядок.

Так как при применении рассыпного строя фронт растягивается на большее протяжение, то тем легче будет выйти на фланг противнику.

Пехота всегда должна поддерживаться конницей. Это достигается успешнее всего, когда последняя расположена во второй линии.

Лучшим построением против конницы является колонна. Следовательно, надо или сражаться в рассыпном строю, или свертываться в колонну.

Тем не менее опыт показывает, что пехота, даже построенная в колонну, гибнет под ударом конницы, если последняя мужественна; причина этому лежит в характере вооружения пехоты.

Поэтому пехота ни при каких обстоятельствах не должна быть оставлена без защищающей ее конницы; исключением является лишь такая местность, где конница неприменима.

Отступление из боя следует производить эксцентрически, весьма быстро и под защитой конницы. Так прикрытое отступление может вестись без особой опасности даже в беспорядке.

После проигранного боя надо немедленно направить мысль на организацию новой наступательной операции. Достаточно себе представить, что вы не разбиты, чтобы и в действительности перестать быть разбитым³⁵. Надо ввязываться лишь в неупорный бой. Надо избегать сражений и полагаться на маневрирование.

Глава 13

Из принципа базиса вытекает, что рано или поздно верх должны одержать массы, т. е. большее число бойцов и большее количество материальных средств, которыми ведется война, а не более высокая дисциплина, тактика или более высокий дух борющегося против численного превосходства меньшинства, как это было в древности, разве что разница в численности не была достаточно значительна³⁶.

³⁵ Мы привели этот тактический отрывок, представляющий итог длинного исследования Бюлова об эволюции тактики в период революционных войн, так как он весьма характерен. Многие тактические замечания Бюлова были очень ценны в свое время, так как впервые отражали в научной мысли тактический переворот, происходивший в эпоху революции. Типично для Бюлова, что исследование боя он непременно заканчивал вопросом об отступлении; на использовании победы, на преследовании мысль Бюлова вовсе не останавливается, так как он переносит центр тяжести на маневрирование, а бой в корне, по его мысли, близок к недоразумению. По Бюлову, в головах всех военных твердо засело убеждение в превосходстве огня; а раз так, то безразлично – верное оно или фальшивое, оно является руководящим. Возвращение к старым приемам натиска холодным оружием невозможно. Дифирамбы штыку поются кабинетными историками, серьезно верящими чепухе, которая пишется в рееляциях, и вводящими в заблуждение штатских людей. – *Прим. ред.*

³⁶ Современному читателю тон рассуждений Бюлова покажется, может быть, слишком наивным; однако за этой главой Бюлова надо признать особенно крупное положительное значение. Бюлов здесь впервые учел все значение масс, выступивших на историческую арену с Французской революцией, и противопоставил их господствовавшему в XVII и XVIII вв. учению о ничтожности массы и решительном превосходстве кучки искусных профессионалов. Последнюю идею в виде мечты мы еще находим в пророчестве фон дер Гольца о новом Александре Македонском, который с небольшой испытанной дружиной погонит полчища переодетых в солдатскую форму мещан. Здесь же Бюлов переносит центр тяжести на значение материальных средств войны. Если Беренхорст становился в тупик перед успехами революционных армий, то Бюлов здесь дает им объяснение. Конечно, многое он упустил, например моральные силы революции, преуменьшил значение боя, но в основном он стоит на твердой почве. Идеи о силе массы от Бюлова перешли в XIX в. к защитникам идеи милиции и коротких сроков службы – создалась обширная демократическая школа, родоначальником коей является Бюлов. – *Прим. ред.*

1. При новой системе войны превосходство большего числа бойцов над меньшим вытекает уже из того, что нельзя позволять себя охватить, и из выгод, которые дает охват (окрыление). Если вы имеете больше людей, чем противник, и умеете надлежащим образом использовать это превосходство, то большие искусство и храбрость его солдат не помогут. Превосходные по качеству войска в лучшем случае могут победить тех, которые находятся непосредственно против их фронта; они могут их отбросить. Однако тем временем другие части противника окажутся на их флангах, а насколько это опасно, нам уже известно из предыдущего. Следовательно, чем дальше продвигаются победители, тем больше они подвергаются опасности быть окруженными и отрезанными от своих магазинов. Их должна непрерывно беспокоить мысль о сохранении их сообщений. Если связь с базисом оказывается под угрозой, победители должны сменить попятным движением свое движение вперед и вместо того, чтобы преследовать побежденного противника, начать спешное отступление. Следовательно, нельзя сказать: с 30 000 человек обученных и храбрых войск я разобью трижды превосходного противника. Это могло бы иметь место лишь в том случае, если бы численно превосходное войско неумело руководилось, иначе – нет. Более храбрые и лучше дисциплинированные должны отходить, если будут выдвинуты отряды на их фланги.

Не говорите: они также могут выделить части, чтобы освободить свои фланги; этим путем они ни на шаг не подвинутся вперед, так как по существу это движение имеет оборонительный характер. Затем этот маневр еще сильнее раздробит более слабое войско, что приведет к утрате всех выгод, которые можно ожидать от сосредоточения сил. Следовательно, по-видимому, неизбежно, что более сильный очень скоро принудит к отступательным маневрам более слабого, и к тому же не давая боя.

2. Следовательно, в новейшее время победа будет на стороне превосходного числом, а не на стороне более храброго и более искусного в тактическом искусстве. Однако превосходные числом должны быть искусно руководимы, так как иначе в бою фронт против фронта более храбрые и лучше обученные обратят противника в бегство.

Элементы, которыми ведется война, относятся к понятию *м а с с* в такой же степени, как и число бойцов. Последние не могут существовать без первых, что и является самым существенным. Следовательно, количество продуктов питания определяет победу наравне с числом бойцов; то же можно сказать об обмундировании, оружии, пушках, боевых припасах, одним словом, обо всем, что необходимо для ведения войны. Таким образом, в новейших войнах решающим оказывается количество людей и материальных предметов.

Поскольку в наше время можно все иметь, если обладать деньгами, постольку количество последнего товара получает решающее значение; блеску золота до такой степени трудно противостоять, что нужные для войны предметы, не имеющиеся в собственной стране, можно купить даже в неприятельских государствах. Торговая связь между народами работает против разделения, образуемого войной. Я не хочу и упоминать о преимуществах подкупа как метода для достижения своих намерений. По этому поводу уже Монтекукколи говорил: для войны надо иметь три вещи, а именно: деньги, деньги и деньги³⁷.

Однако материальные средства, которыми ведется война, независимы от денег в той степени, в какой важно их иметь близко под рукой и иметь возможность предупредить неприятеля в сборе большей их массы. Если бы какое-нибудь государство имело больше денег, чем враждебное ему, но меньше военного материала, под которым надо также подразумевать и

³⁷ Ссылка Бюлова на Монтекукколи, которую повторяли за ним тысячи писателей и ораторов, неверна. Выражение, что для войны нужны только деньги, деньги и деньги, появилось за столетие до Монтекукколи, среди вождей испанских наемников, в эпоху первоначального накопления капитала в первой половине XVI в.; Монтекукколи в своих трудах приводит это выражение лишь с глубокой иронией, так как он был проводником идей войск нового строя, постоянной армии, длительной и тщательной подготовки к войне и недоумевал над утверждением, что при отсутствии длительной работы над армией можно, раскошелившись вдруг, думать о выигрыше войны. – *Прим. ред.*

людей, и если бы оно было вынуждено подвозить эти материальные средства войны издали, может быть, даже из-за моря, то оно, безусловно, не справилось бы с государством, более бедным в денежном отношении, но более богатым материальными средствами войны. Последнее государство скорее сосредоточило бы превосходную числом массу и подавило бы первое ее тяжестью. Государству, более богатому деньгами и более бедному в отношении материальных средств войны, и небольшие количества последних обошлись бы несравненно дороже, чем противнику, о котором можно сказать как раз обратное. Цена вещей растет прямо пропорционально протяжению, на которое их приходится транспортировать.

3. Следовательно, решающее значение получает возможность в более короткий срок сосредоточить большую массу материальных средств войны, по сравнению с противником; если кому-нибудь покажется странным, что я отношу людей также в категорию материальных средств войны, то я добавляю: и возможность сосредоточить большее число бойцов.

Однако одного нагромождения масс, требуемых для войны, недостаточно; они должны быть расположены упорядоченно, наиболее выгодным образом.

В предыдущих главах мы рассмотрели, каков этот наиболее выгодный способ. Принцип базиса учит, что материальные средства войны всех видов должны быть так же развернуты, как и бойцы перед каждым боем. Эти нагромождения будут только тогда действительны, когда они будут вытянуты в одну линию, одно рядом с другим, а не в затылок одно другому. Это есть стратегическое развертывание³⁸. Так как сбор материальных средств может быть обеспечен лишь при группировке их в крепостях³⁹, то в сущности линия стратегического развертывания прежде всего образуется рядом с укрепленными пунктами, расположенными друг возле друга.

Наиболее выгодное начертание – по вогнутой дуге, которую этот фронт образует против неприятеля. Если бы массы обеих сторон были равны и с одинаковым искусством маневрировали – предпосылка, правда, невозможная, – то очертание фронта, на котором эти массы развернулись бы, получило бы решающее значение, т. е. армия, охватывающая или развернутая на более длинном базисе, должна оттеснить противника.

³⁸ Бюлов, создатель стратегии, привил в немецком языке термин «стратегическое развертывание», так как в основе у него была мысль о стратегическом охвате неприятеля на театре военных действий. Наполеон и Жomini, на коих покоится стратегическая мысль во Франции, исходя из массирования сил, как основной посылки, пришли к терминам «сбор», «стратегическое сосредоточение». В этих противоположных терминах для обозначения одного и того же действия отражается все мировоззрение двух школ. – *Прим. ред.*

³⁹ Решительный удар крепостям нанесла не столько тяжелая артиллерия, сколько железная дорога, позволившая отказаться перед войной от заблаговременного нагромождения запасов на границе. Задача инженерной подготовки теперь другая – обеспечить за нами возможность развертывания армии на широком фронте вблизи границы. Нужны укрепленные позиции, а не сомкнутые кольцевые крепости, так как войска будут маневрировать; они не привязаны, как прежние магазины, к одному пункту. – *Прим. ред.*

Дитрих фон Бюлов О ПОЛИТИКЕ И СТРАТЕГИИ⁴⁰

Военная наука – стратегия и тактика (но отнюдь не искусство парадов и строевой муштры), или наука употребления сил государства для укрепления и защиты общества, во имя общественного блага и чести, как может она не заключать в себе политику?

Как может быть хороший дипломат, который не был бы в то же время хорошим воином? Ведь военные знания нужны ему для исполнения его важнейших функций; отсюда вытекает, что дипломатами следовало бы назначать только хороших солдат, так как на что пригодна хитрость без силы?

Карл V, дипломат, не мог создать всемирной монархии, потому что он не был военным! И его, одного из хитрейших хитрецов, перехитрил и выгнал воин Мориц.

Людовик XIV, дипломат, также стал неудачлив в своих планах, как только старуха Мен-тенон начала подбирать ему плохих генералов.

Победитель при Денене, Виллар, добыл Бурбонам испанскую корону. Меч воина выбил перо из руки дипломата.

Как могла бы наука, созданная, чтобы послушно руководить десницей общества, одновременно не быть наукой, руководящей внешними отношениями государства, раз она неизбежно содержит даже вопросы внутреннего управления? Почти все великие полководцы одновременно были и хорошими руководителями внутренних дел. Даже калмык⁴¹ Аттила подтвердил бы это положение, если бы ему пришлось заниматься вопросами внутренней политики. Как может дипломат правильно оценивать силы противостоящих государств, если ему неизвестна сама наука о силах? Если ему, следовательно, неизвестны естественные границы государства, т. е. границы, обеспечивающие безопасность? Когда от его близоруких глаз ускользает момент, когда надо наступать, и он не усматривает времени, когда уже нельзя больше обороняться? Одним словом, знания шифровальщика не могут быть достаточны там, где необходимой основой является военная наука.

* * *

Политическая стратегия – не дипломатическая, так как дипломаты редко бывают политиками – является еще неизвестной наукой; чтобы положить ей начало, я сообщу миру принципы политической стратегии, и не будет недостатка в светильниках, которые постараются их осветить.

Надо всеми силами обрушиваться на авангард и душить его, если главные силы неприятеля столь удалены, что не могут оказать ему поддержки, и если вообще позади виднеется хвост, подобный хвосту кометы. Но так как тактика вообще представляет только стратегию в тесных рамках и идет параллельно с ней, то этот принцип должен быть перенесен на стратегию, а с нее – и на высшую или политическую стратегию.

⁴⁰ Эти отрывки заимствованы из «Истории кампании 1805 г.» фон Бюлова. Первый отрывок имеет в виду австрийскую дипломатию, поддавшуюся увещаниям Англии и втянувшую Австрию в войну вопреки мнению ее лучшего полководца, эрцгерцога Карла. Второй отрывок накануне Йены стремится доказать немцам всю иллюзорность надежд на русскую помощь в борьбе с Наполеоном. Здесь, по-видимому, Бюлов уже отходит от бескровных идей XVIII в. и ясно схватывает очертания наполеоновской политики и стратегии сокрушения. Он указывает на очень тесную связь политики и стратегии. За эту-то «историю» Бюлов и поплатился жизнью. – *Прим. ред.*

⁴¹ Отцом Аттилы был Мундзук, происходивший из царского рода гуннов; по одной из теорий (не имеющих, впрочем, достаточного подтверждения), гунны были одним из калмыцких племен. – *К.З.*

Так, надо набросить и затянуть удавку на горло ближайшего находящегося под рукой государства, входящего во враждебный союз, вы чувствуете, не правда ли, насколько благородно-эстетичны приводимые мною образы – прежде чем другие успеют прийти ему на помощь; это есть политическая стратегия. Надо уничтожить выдвинувшуюся армию того же государства, прежде чем подойдет двигающаяся на поддержку армия; это есть военная стратегия. Надо всеми силами обрушиваться на авангард, когда армия еще позади, это есть тактика. Таким образом, я устанавливаю три ступени военного искусства, критериями которых являются количество времени и пространства; и первым принципом науки, которую мне предстоит выдвинуть вновь, будет следующий: «политическая стратегия относится к военной так, как последняя относится к тактике, и политическая стратегия является наивысшей». Как военная стратегия регулирует операции одного похода, самое большее – одной войны, так политическая стратегия ориентируется на процветание и существование государства в течение веков и тысячелетий.

Дитрих фон Бюлов ГУСТАВ АДОЛЬФ В ГЕРМАНИИ

Правящая австрийская династия, воспитавшая целый ряд государей, которые тем более любили войну, чем меньше они лично делили ее опасности, хотела добиться гегемонии над всей Европой, но не брала на себя непосредственного руководства теми силами, которые одни могут дать господство. Только удачный выбор полководцев мог привести к цели этих невоинственных верховных военных вождей, но выбор этот, чтобы быть удачным, сам требует, чтобы его делал полководец...

Причиной войны была не религия, которая является внутренним делом и состоит в практике добра; причиной также не было соблюдение пустых обрядов, которые, если не являются символом политической партии, никого не интересуют; причина заключалась в грабеже церковных имуществ, который со времени реформации Лютера обогатил германских князей; а самостоятельность последних являлась единственным препятствием для неограниченного владычества австрийской династии в Германии. Религия давала повод к войне, так как никто не идет навстречу планам властолюбия, если последние не замаскированы...

ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ ГАБСБУРГ

Полное имя самого талантливого австрийского полководца периода Наполеоновских войн эрцгерцога Карла – Карл Людвиг Йохан Йозеф Лаурентиус Людвиг Иоанн фон Габсбург. По своему рождению он принадлежал к одной из древнейших и – как минимум, формально – к самой знатной семье Европы – правившей в Священной Римской империи династии Габсбургов. Он родился 5 сентября 1771 г. в принадлежавшей тем же Габсбургам итальянской Флоренция и стал третьим сыном в семье великого герцога Тосканского Пьетро Леопольда и его супруги Марии Луизы, дочери испанского короля Карла III Бурбона. 20 февраля 1790 г. скончался император Священной Римской империи Иосиф II, и его место на императорском престоле занял его брат – отец Карла, ставший с этого момента именоваться Леопольдом II. Впрочем, побыть сыном императора ему оставалось недолго, уже в ноябре того же – 1790 – года он был усыновлен своей бездетной теткой эрцгерцогиней Марии Кристиной и ее супругом – правящим герцогом Альбертом Саксен-Тешенским. Подобный шаг был совершен по инициативе Леопольда II, который стремился, чтобы огромное состояние герцога Тешенского не попало в чужие руки. Так и произошло: после смерти герцога Альберта эрцгерцог Карл 10 февраля 1822 г. унаследовал титул герцога Тешен и земли Гюттен, Тешен, Альтенбург, Бели, роскошный дворец в Вене и богатейшую картинную галерею (Альбертина). Он стал родоначальником тешенской ветви дома Габсбургов.

Что интересно, в раннем детстве Карл отнюдь не предназначался для военной службы. Прежде всего из-за довольно слабого здоровья и к тому же постоянных эпилептических припадков, в связи с чем его августейшие родители сначала планировали пустить сына по церковной линии – происхождение гарантировало высокие посты. Однако затем все же традиции семьи Габсбургов победили и в возрасте 9 лет – в 1780 г. – эрцгерцог был назначен шефом 3-го пехотного полка.

В 1791 г. Карл отправился со своими новыми родителями в Нидерланды, а в следующем году начал действительную военную службу – причем, учитывая происхождение, сразу с командных постов: в сражении с французскими войсками при Жемаппе 6 ноября 1792 г., которое закончилось полным разгромом австрийцев, он командовал бригадой. С первого же боя все отметили храбрость и распорядительность молодого эрцгерцога. В 1793 г. он воевал в авангарде войск принца Фридриха Саксен-Кобург-Заальфельдского, а в сражении при Альтенховене 1 марта того же года командовал кавалерийским полком и лихой атакой во многом способствовал победе австрийцев. В 1793 г. Карл был произведен в фельдмаршал-лейтенанты и назначен генерал-губернатором Австрийских Нидерландов. В следующем году под знаменами все того же принца Кобургского он принял участие в сражениях при Шлахтеме, Ландрецисе, Торнау и Флерюсе, но затем у него возникли серьезные разногласия с принцем по поводу планирования кампании, он был вынужден оставить армию и уехать в Вену, где ему «в компенсацию» присвоили звание фельдцейхмейстера.

В 1796 г., после потери Австрией бельгийских земель, Карл был назначен главнокомандующим Нижне-Рейнской (затем Верхне-Рейнской) армии и 10 февраля 1796 г. был произведен в имперские генерал-фельдмаршалы (Reichsgeneralfeldmarschall), став последним в истории Священной Римской империи человеком, получившим это звание. Карл успешно руководил армией в сражениях при Вецларе 15 июня 1796 г., где нанес поражение Самбро-Маасской армии Жана Батиста Журдана. Затем он сражался с Журданом и Рейнско-Мозельской армией Жана Моро при Раштадте, Тейнинге, Амберге, Вюцбурге, и в конце концов ему удалось отбросить армию Журдана за Рейн, тем самым поставив Моро в безвыходное положение и заставив его отвести свои войска, сведя на нет все предыдущие его удачи.

В этот момент Карл выступил с предложением заключить перемирие на Рейне, а его армию перебросить в Северную Италию и тем самым предотвратить возникновение кризиса на юге. Однако Гофкригсрат отклонил предложение Карла, а Итальянская кампания оказалась полностью проваленной. В 1797 г. после неудачных действий австрийских войск в Италии эрцгерцогу было приказано принять командование армией в Венеции. Но поправить положение он уже не смог и 18 апреля 1797 г. подписал в Леобене условия прелиминарного мира. Наступил непрочный мир и эрцгерцог в ноябре 1797 г. получил посты губернатора и генерал-капитана Богемии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.